

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ

ЦИТАТА

*Из стихотворений 1999—2015
с эпиграфами-цитатами
из строк поэтов Серебряного века*

*Цитата есть цикада.
Неумолкаемость ей свойственна.*
Осип Мандельштам

Москва
Вест-Консалтинг
2016

Людмила Колодяжная
ЦИТАТА
Стихотворения
М.: Вест-Консалтинг, 2016 — 200 с.

ISBN 978-5-91865-389-0

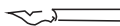
Книга «Цитата» поэта Людмилы Колодяжной является расширенным продолжением предыдущей — «Поэтам, жизнь мою сложившим» (Москва. Вест-консалтинг. 2014). Книга «Цитата» также посвящена великим поэтам Серебряного века — от Анненского до Цветаевой. Эти стихотворения появились благодаря многолетней работе Людмилы Колодяжной в коллективе лексикографов Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, который создает многотомный труд — «Словарь языка русской поэзии XX века» (издано 6 томов Словаря с 2001 по 2015 г.). В отличие от сборника «Поэтам, жизнь мою сложившим», книга «Цитата» дополнена стихотворениями, эпиграфами к которым служат строки поэтов Серебряного века.

© Людмила Колодяжная, текст, 2016

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2016

**Книга посвящается памяти Учителя,
великого филолога,
автора проекта «Словарь языка русской поэзии
XX века»**

Виктора Петровича Григорьева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эпиграфом к этой книге служит афоризм Осипа Мандельштама: «Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна».

Действительно — яркие высказывания преследуют нас и требуют ответа. Возможно, вся эта книга стихов является ответом на цитаты, которые не умолкают — цитаты из книг великих поэтов Серебряного века.

Книга упорядочена по именам поэтов, строки которых стали эпиграфами к стихам автора — Людмилы Колодяжной, много лет работавшей в проекте Виктора Петровича Григорьева «Словарь языка русской поэзии XX века» в качестве составителя статей и члена редколлегии.

В каждом разделе, посвященном поэтам — от Анненского до Цветаевой, стихи упорядочены по времени написания. Каждое стихотворение предваряется цитатой-эпиграфом. Это — либо точная цитата, которая присутствует в стихотворении автора книги, либо измененная цитата, либо — соотносящаяся со смыслом стихотворения. Цитаты выделены в стихах курсивом. Некоторые стихотворения (обычно в начале очередного раздела) даны с названием и без цитат — как посвящения.

Приведем наиболее интересные примеры точных и измененных цитат.

Точная цитата

Из стихов Анны Ахматовой

***«Я давно предчувствовала этот
светлый день и опустелый дом...»***

Я пишу на краешке рассвета,
я пишу сейчас тебе о том,
что давно предчувствовала этот
светлый день и опустелый дом...

***«Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле...»***

О тебе помолюсь я кротко.
Очертанья столицы во мгле...
Двадцать первое. Самый короткий
день бежит по морозной Земле.

Из стихов Александра Блока

«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Луча ночного льется локон
в раскрытого окна прореху.
Старинный том, цитата Блока:
«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Здесь можно вспомнить, что Анна Ахматова в
стихотворении «Памяти Блока»
приводит фрагмент этой строки:

«Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...»

Из стихов Михаила Кузмина

*«Уж вспухнувшие пальцы треснули
и развалились башмаки...»*

Словам просторно, мыслям тесно
в прокрустовой стезе строки.
*«Уж вспухнувшие пальцы треснули
и развалились башмаки...»*

Из стихов Осипа Мандельштама

«По пояс в тающем снегу...»

Я через тьму к тебе дойду.
По пояс в тающем снегу
я перейду в твои просторы,

Из стихов Бориса Пастернака

«Душа моя, скудельница...»

Душа моя — скудельница,
я путь твой повторю,
веретено не ленится
плести судьбу мою.

Из стихов Марины Цветаевой

«Любовь не входит в биографию...»

*Любовь не входит в биографию... Об этом
я узнаю в конце концов, к излету дней,*

Измененная цитата

Из стихов Анны Ахматовой

***«Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын...»***

*не знаешь, как в доме тихо,
где — ждут возвращения сына...*

«Закрыта дверь, и заколдован дом...»

Лён полотенца,
восковая свечка,
закрыта дверца,
будто бы навечно.

Дом заколдован:
голубых глициний
живой волною,
памятью о сыне,

«Доля матери — светлая пытка...»

Даже птица встретится с веткою,
если ветка устанет ждать.
Доля матери — пытка светлая —
только руки в молитве сжать,

Из стихов Михаила Кузмина

*«Разве неправда,
что жемчужина в уксусе тает,
что вербена освежает воздух...»*

Уставшее сердце прощает,
Прощаньем смывается пена,
Жемчужина в уксусе тает
И воздух сжигает вербена.

*«Что это, Зоя, вместо нарцисса
ты выткала розу?...»*

Капля дождя повисла,
плыли летние грозы.
Сегодня, вместо нарцисса,
тебе я выткала розу.

Из стихов Осипа Мандельштама

«Отравлен хлеб, и воздух выпит...»

исчезает навеки все — лишь остается
кем-то выпитый воздух, да хлеб, что отравлен,

*«...заресничная страна, там ты будешь мне
жена...»*

В простор страны заресничной
уходим рука к руке,
на быстром, летучем, птичьем
легко говорим языке.

Из стихов Бориса Пастернака

*«Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты вечности заложник
У времени в плену...»*

Пусть — долог зимний сон,
но ты — не спи, художник,
ты — временем пленён,
ты — Вечности заложник...

Из стихов Велимира Хлебникова

«Помогайте звонари, я устал...»

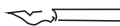
Как рубец морозной розной ночи,
полумесяц венчиком из стали,
раскачаем Слова колокольчик,
звонари помогут, коль устали.

Из стихов Марины Цветаевой

«Моих бумаг Божественную смуту...»

К столу письменному подхожу
ангелом босоножьим,
словно к подножью
Божьему —
смуту бумажную ворошу...

В завершение предисловия автор выражает благодарность доктору филологических наук Ларисе Леонидовне Шестаковой, кандидату филологических наук Светлане Николаевне Шепелевой, поэту Нине Позняковой, поэту Елене Ткачевской, писателю Галине Гашуниной, прочитавшим рукопись и сделавшим ценные замечания.

Автор надеется, что обращение к строкам поэтов Серебряного века будет интересным для читателя и он еще не раз их вспомнит.

Людмила Колодяжная, февраль 2016 года.

ПОЭТАМ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

«Здесь столько лир повешено на ветки...»

Анна Ахматова (1944)

*Это, быть может, лишь путь назад,
там, где твой вздох или взгляд счастливый,
это, быть может, твой Летний Сад,
там, где лиры висят на ивах.*

*Это, быть может, твой путь в пургу,
там, где в снегу каждый шаг утоплен,
это, может быть, Петербург,
и легендарный ахматовский тополь.*

*Это, быть может, лишь меха ворс,
или плоть шершавой страницы,
это, быть может, Исакий замерз
у Мандельштама на длинных ресницах.*

*Это, быть может, лишь жизни клочок —
может, старой, а может, новой.
Это, быть может, воскресший Блок
перед толпою — в венце терновом.*

*Это, быть может, мята иль тмин,
булки французские, вздохи, взоры,
это, быть может, томный Кузмин,
сон отраженный в Осенних озерах.*

Это, быть может, лишь путь назад,
взглядом скольжение по сбитым вехам,
веткам, протянутым в Летний Сад —
над тенями Двадцатого века.

ПОСВЯЩЕНИЕ

ИННОКЕНТИЮ АННЕНСКОМУ

Ларец из кипариса

Стихотворец, как пророк —
беден, жив на хлебе-квасе,
все же — горстку лучших строк
должен он держать в запасе.

Каждый, если он певец,
должен, Анненскому вторя,
кипарисовый ларец
у себя держать в затворе,

чтоб хранить в нем на листах
свой последний лучший опус,
словно лепту, иль пятак,
иль в бессмертье тайный пропуск,

чтобы — взять наперевес,
в путь последний, путь неблизкий,
как несут иные Крест —
свой ларец из кипариса.

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ
АННЫ АХМАТОВОЙ

Там высечена в камне Анна

*(памятник на Ордынке
по рисунку Амедео Модильяни)*

Куда-нибудь поедem скоро —
не страстью связаны — лишь братством.
В карете черной и рессорной —
по темным улицам скитаться.

И также тёмны будут речи,
кареты стуки будут гулки,
мы пролетим Замоскворечьем
по лабиринту переулков.

Прохожих тени будут редки,
мы встанем в тупике укромном,
и снегом нас осыпят ветки
одетых на зиму черемух.

Сквозь кисею небесной манны
увидим дворик за оградой —
там высечена в камне Анна
Ахматова — и тополь рядом.

Мы вспомним строки, что забыты,
прочтем их вслух в тиши морозной,
и снова загремит по плитам
какета, по камням замерзлым.

* * *

**«...а так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике...»**

Торжествовать... Простора не хватило —
приветней — путь черты в черновике,
отставлены кастальских вод чернила —
тоскует мел по грифельной доске,

запутан в рифме — профиль римский мира,
как завиток средь брошенных ветвей —
прибившейся к другим — моей же лиры,
чтоб голоса настраивать верней,

сквозь вечность чтоб — просвечивало слово,
душа — сквозь душу, море — сквозь мираж,
сквозь сети — серебро — удел улова,
оливы ветвь — сквозь стертый карандаш,

чтоб, вытянув перо из недр простора —
растущий лепесток из крыл гонца —
черновики марая до упора,
взять завиток из формулы певца.

Из Песни Песней

***«А в Библии красный кленовый лист
заложен на Песне Песней...»***

Вернись —
к папирусно-папиросной
страниц россыпи,
переверни,
перечти главы, сочтя число
их в Книг Книге,
к которой никнет,
кротко чело.

Влейся слухом
в Соломоново соло,
в перебивающий его тихий,
кажущийся духом
голубиным — голос
Суламифи.

Вспомни — строки гибче
становятся, свив,
как гнездо птичье,
любовный миф,
привычно-
старый, а все, как новый.
Сохранить его — нелишне
в памяти-нише,
заложив
лист в Песне Песней — кленовый...

Мелхола

*«В душе ее боль и обида,
но хочет Мелхола Давида...»*

Порою ждешь, чтоб всё уснуло,
чтоб тишиной свечу задуло,
пробились лунные лучи,
чтоб за печатью дней, за гулом,
сквозь мглу столетий различить —
о чем Давид поет Саулу.

Какою силой мог он, отрок,
рассеивать потоки мглы —
ведь песни путь, как жизнь, короток,
и злом обвиты все углы.

Но перед тем, кто сердцем кроток
сдается зло... И лишь Мелхола,
ко прочим женихам суха,
не избежав судьбы укола,
клянет Давида-пастуха,

но от предчувствия сердце ноет,
и, странным пламенем горя,
*она мечтает стать женою
то ль бедняка, то ли — Царя...*

* * *

**«Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе...»**

Свет тебе брезжит даже во тьме.
Мне же, униженной до пепелища,
что же делать, потерянной, мне —
помолись о душе моей нищей.

Нимбом меня обнимала мгла,
только ты — оставался светом,
только птицею петь могла
на — канатом натянутой ветви.

Благодаря за единственный дар
слова-эха в дневной пустыне —
слова-водицы в ночной пожар,
слова-птицы в предутренний иней.

Ты, как ангел, указывал путь,
ты, как Бог, дарил наказаньем,
если, былей ломая суть,
ложью плавилось строк сказанье.

Даже во тьме тебя метит свет.
Мне же, возвышенной до пепелища,
что ты можешь сказать в ответ? —
Помолись о душе моей нищей...

* * *

**«Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын...»**

Мой ангел, тебе ли страшно?
Здесь, на земле, ты не был,
не знаешь, как пусто небо
на месте упавшей башни.

Наш договор был устным —
его не скрепили кровью.
Не знаешь, как в доме пусто,
где пренебрегли любовью.

От шепота и до крика —
проходишь ты жизнь-пустыню.
*не знаешь, как в доме тихо,
где — ждут возвращенья сына,*

где сна неотступна совесть,
тьма-бабочка жалом света
приколота к вечности, то есть,
где ты нас зовешь к ответу.

Мой ангел, тому ли страшно,
кто дом-пристанище ищет,
кто ожил на свете однажды,
как ветер, что путнику свищет,
преображая горсть пыли
в твои ли, мой ангел, крылья?

* * *

*«Как от блеска дивной ризы,
Стало в горнице светло...»*

Рая вчерашнего
вспомнится —
горница,
в башне,
где горлица
тишины капризной
клонится —
дышит ризой.

Икон-
складней благолепие —
под потолком
горбится
горней цепью.

Досок треснувших
кисея-иней —
древности
паутина —
с ветром борется,
как риза затворницы,
от которой
светло в горнице...

* * *

«Закрыта дверь, и заколдован дом...»

Лён полотенца,
восковая свечка,
закрыта дверца,
будто бы навечно.

Дом заколдован:
голубых глициний
живой волною,
памятью о сыне,

водой холодной,
чашею из глины
дом заколдован
вечным сном о сыне,

чей голос тает
эхом-тенью в нише,
всё — тишина смывает,
слов не слыша.

Лён полотенца,
свечка восковая
горит, как в детстве,
тени созывая.

* * *

«Нам встречи нет. Мы в разных станах...»

Встречи не ждем,
потому что в странах
разных живем,
далекий певец,
все же нам выпадет доля равная —
все же один примеряем венец.

Брат мой, поникнем с одною раной,
я — на родной,
ты — иной
версте,
все же нам выпадет участь равная —
на кипарисовом стыть кресте.

Те же истоки —
едино мщенье,
те же пути — жестоки,
просты.
Все же — прошу у тебя прощенья,
так же, как, может быть, — просишь ты.

* * *

«Вольно я выбрала дивный град...»

Средь влажных лип в перелесках темных,
в лад топопиной гонимой метели,
дай мне расслышать мотив бездомных,
скрип растущих мачт корабельных —

песню последнюю, ту что выше
древних лип в перелесках влажных,
дай мне мотив бесприютных расслышать —
с него начинается повесть каждая.

Чтобы сердцу казалась отрадой
песня, подслушанная невольно,
словно прошли незнакомым Градом,
по переулкам Первопрестольной,

до окраин Новодевичьих,
чтоб с каждым шагом ясней казалось,
нам приют — в этом Граде величья,
там, где песня — бездомной осталась,

там, где расстались мы с колыбельным,
снежным мотивом метелью гонимых,
в лад растущим стволам корабельным,
влажным, липовым, тополиным.

★ ★ ★

«Особенных претензий не имею...»

Уже слышны уключины тех лодок,
что жизнь за горизонт перевезут,
куда рукой подать мне, путь короткий,
меня оставит песнопенья зуд,

что для души был манной, пищей,
молитвой — понимала я — служу.
Я к дому жизни подходила нищей,
я к дому смерти — нищей подхожу.

Я облако считала лучшей кровлей,
а дождь — чистейшей из земных водиц,
когда-нибудь он просочится кровью —
по строкам-жилкам в землю, из страниц.

*Я не имею никаких претензий,
что не исполнен каждый мой каприз,
я слово рисовала, словно вензель,
напоминавший облака абрис.*

✱ ✱ ✱

«Анна — в Кашин, уж не княжити...»

Ризы голосом разрезаны,
развеваются в полете —
облаками бегут резвыми.
Спим, юродивы, в лохмотиях.

Прорастут слова — их скашивают,
звук, чуть слышный остается —
о княгине Анне в Кашине,
о Саровском чудотворце.

Облаками отгородится
даль родная от чужбины,
проводит Богородица
к облаку-калитке Сына,

к горизонту, до околицы,
до пустынных трав ковыльных.
В час прощальный колокольцы —
ангелов задеты крыльями.

Ризы, сшиты голосами,
отдаляются мелодией —
в высь, покинутую нами.
Спим в лохмотьях, юродивы.

* * *

«Доля матери — светлая пытка...»

Даже птица встретится с веткою,
если ветка устанет ждать.
Доля матери — пытка светлая —
только руки в молитве сжать,

да войти в Божий храм-прекрасен,
где тропа грустящих свела,
за священником в черной рясе
повторять ектеньи слова,

да поставить свечу высоко,
и в молитве сгореть свечой,
да о страннике-сыне далеком —
Сына Божья просить горячо.

Чтоб о ежеминутной боли
на минуту в храме забыть,
пытка светлая — матери доля —
разлученною с сыном быть.

С веткой встретиться может птица —
утром, вечером, в час любой.
Доля матери — пытка страницей,
той, зачеркнутою судьбой.

★ ★ ★

«Когда б вы знали, из какого сора...»

Если строка возрастает, тиха,
если страница летит голубицей —
мир, отраженный в кристалле стиха,
помнит о пристальной — прозы крупнице.

В этой строке нет забытых затей,
жизнь возникает и никнет некстати,
что-то, как дань, — отойдет суеде,
чем-то душа бескорыстно заплатит.

Что-то повиснет в душе, как вопрос,
что-то взрастет, как лопух у забора,
строки сплетаются с пряжей берез
и жемчуга выбирают из сора.

Образы тенью пройдут по стене,
образы-Лики небесной породы,
стих остается — не вам и не мне,
стих остается — загадкой природы.

Лотова жена

*«Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд...»*

Последняя горная вьется стезя
перед женою послушною.
Шла, зная — оглядываться нельзя,
чтоб Ангела — не послушаться.

Но что там ждет, в чужеземной дали? —
Судьбы неизвестен очерк.
А перед нею за Ангелом шли —
Праведный Лот и дочери.

И за спиной пламенел Содом.
— Что, если случайно споткнуться,
на миг прощальный увидеть дом —
нет, нет — нельзя оглянуться,

ведь город Божьим казнен судом,
на камне не станет камня,
но неужели и милый дом
охвачен небесным пламенем?

Так — в горней шла она тишине
по камням скользким и гладким.
— Господь велик, пусть простится мне
последняя в жизни оглядка.

Она оглянулась. И Тишиной
Вдруг стала — навек, бессрочно.
Не слышал Лот шагов за спиной,
и вздоха — не слышали дочери.

Она стала меньшею из утрат,
Но доля её — тревожит...

*Отдавшая жизнь за последний взгляд,
который, как вызов брошен.*

* * *

«Над сколькими безднами пела...»

*Над каждою бездной земною,
над адом я пела, над раем,
над вольной твоей тишиною,
в неволе, над светом, над краем.*

Ты был окружен жизнью-чащей,
я путь пролагала короче,
чтоб ты выбирал его чаще —
прерывистый путь моих строчек.

Но жизнь усложняла узоры,
угроза разрыва дрожала,
из слов вырастали озера,
и каждое — нас отражало

и в круг замыкало непрочный,
свивая в пустыне над каждым
тот ржавый колючий веночек,
что в небо вырастает однажды.

★ ★ ★

«И легких рифм сигнальные звоночки...»

Помнишь, ахматовской веской рифмы,
нас окликая, кольнул звоночек...
Он прошумел, утешая, стихнул,
чтоб в тишине нам побыть часочек.

Стрелка часов, уколов, излечит
нас от пространства — времени вехой,
той, что склонилась над далью легче,
чем голосов расходящихся эхо.

Тех, что уже прочертили круги —
жизни дань над чужим порогом.
Душу твою берет на поруки
ангел мой, защищая пред Богом.

Ибо даль сожжена пред нами
ранней Звездой предрождественской ночи.
Кто бы теперь в нас ни бросил камень,
дни, что остались, светлей и короче.

* * *

«Смотреть на небо и молиться Богу...»

Жить надо, чтобы, словно шепот, ждать
Осенний дождь, *чтобы молиться Богу*,
вплетая строки чьи-нибудь в тетрадь
чтоб утомить ненужную тревогу,

смотреть, как незаметно зреет горсть
рябины, становясь к морозам красной,
и слышать, как скрипит земная ось,
когда растёт осеннее ненастье,

и приходить к тому, кто не зовет,
к порогу приносить охапки свежих
страниц, и знать, что он их не прочтет,
но сей подарок, может быть — утешит,

и видеть: выпрямляется стезя
к концу пути, когда душа не ропщет,
уже предвидя — повернуть нельзя
с тропы, ведущей в ночь Масличной рощи,

где лишь молитва разрезает тишь
в Саду, что оглушен листвы прибоем,
где ты, как Бог — пред Богом предстоишь,
перед последним неизбежным боем.

Памяти Александра Солженицына

«Когда погребают эпоху...»

Сквозь лампадные блики
слова в дневнике процвели:
«Еще один умер великий
писатель Русской Земли...»

Щедро роняет влагу —
и не стереть с лица —
царственный месяц август,
оплакивая Певца.

Слез своих лепту-кроху —
к природе добавим и мы.
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы.

Величие — не измерить,
аршин Ему общий мал,
Пророку можно лишь верить,
словам, что он нам сказал.

Слова его стали святы,
слышны сквозь времени гам —
он был наш первый Вожатый,
проведший по Первым кругам.

Он до последнего вздоха
нас выводил из тьмы.
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы

3 августа 2008

★ ★ ★

«Знаешь, я читала, что бессмертны души...»

Балкона дверь приоткрыта,
лучи скользят в беспорядке,
проходят сквозь мелкое сито
слов, рожденных в тетрадке.

Полночь — бремя бессонниц,
время, которое дорого,
в окне — очертания звонниц —
башен Старого Города.

Там — церковь и запах ладана,
там — не погашены свечи.
Помнишь, как время падало
со стрелок в глухую Вечность?

Ударов летели капли,
и мы сбивались со счёта
и думали — каждый — вряд ли
прибавится к вечности что-то.

Полночь. Я книгу листаю,
луч портьерой притушен,
вечную строчку читаю, о том,
«Что бессмертны души...»

★ ★ ★

«Я была тогда с моим народом...»

Еще могу я видеть блюдце
луны — сквозь облаков холмы.
В больничные глазницы льются
полночные огни Москвы.

От этих слов — как не отчаяться?
«внезапно — смертен человек...»
В житейских волнах пусть качается
больничный призрачный ковчег.

И мне — не обмануть природу
и не уйти в надежный тыл.
Я здесь была, с моим народом,
где мой народ в больницах стыл.

Уйти от тьмы — еще нет средства,
полна больница, как вокзал.
Здесь знают — «зорко только сердце»,
как Сент-Экзюпери сказал.

Анна и Амедео

(встреча в Париже)

Я твои забываю речи,
я читаю о давнем романе —
о парижской короткой встрече
Ахматовой и Модильяни.

Они вслух читали Верлена,
наизусть, в унисон, по-французски.
Он углем рисовал на стенах
странный профиль ее нерусский.

Он еще — неизвестный художник,
и она — поэтесса юная.
Но уже на холсте осторожно
проступает первый рисунок.

Но любовь — это птица редкая.
Через месяц они расстались.
Но уже над ее портретом
первых строчек взлетела стая.

Век назад... Те же сумерки синие,
я читаю о давнем романе,
на странице темнеет линия —
профиль Анны — рукой Модильяни.

Мой сероглазый Король

Я проснулась утром рано,
сразу повторяя фразу,
ту, что мне сказала Анна —
Ты — Король мой сероглазый.

Ангел радости и горя,
боли, как сказала Анна,
А глаза — подобны морю
в день, когда над ним туманно.

Может, здесь поставить точку?..
но — куда от фразы деться —
жаль, что у меня нет дочки,
чтоб в глаза твои глядеться.

Вместе с ней — проснуться рано,
вспоминая эту фразу,
повторяя вслед за Анной —
Ты — Король мой сероглазый.

И с молитвою Господней
я цветы поставлю в вазу.
Может быть — придешь сегодня —
ты, Король мой сероглазый.

* * *

***«Я давно предчувствовала этот
светлый день и опустелый дом...»***

Я пишу на краешке рассвета,
я пишу сейчас тебе о том,
что давно предчувствовала этот
светлый день и опустелый дом...

Помнишь? Так Ахматова сказала,
в час, когда любимых увели.
Я пишу... Я жду тебя с вокзала,
из любой какой-нибудь дали.

Ты придешь в такой же вечер тихий,
как тогда, когда ты уходил.
На столе — ожившие гвоздики,
ты их при прощанье подарил.

Ничего не изменилось, даже
на странице тот же Том раскрыт.
Ты о том, что было, мне расскажешь,
и в ответ — строка заговорит.

21 декабря, понедельник

*«Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле...»*

Двадцать первое. Самый короткий
нам отпущенный зимний день.
О тебе — помолюсь я кротко.
А на стенах — хвойная тень.

И в конце самой темной недели,
словно вызов и будто ответ,
вспыхнут свечи на каждой Ели,
Рождества предвещающая свет.

Тот подарок будет угадан —
что волхвы принесли на порог,
снова — золото, смирна, ладан.
Рождество — прежней жизни итог.

И паркет начищен до лоска,
ночью вспыхнет далекий луч
на паркете, как первый отблеск
Той Звезды, мелькнувшей среди туч.

О тебе помолюсь я кротко.
Очертанья столицы во мгле...
Двадцать первое. Самый короткий
день бежит по морозной Земле.

Петербургский сон

*«И строго продиктованные строчки
ложатся в белоснежную тетрадь...»*

Петербург оживает во сне.
Силуэты дворцов все яснее.
Тот же тополь у Анны в окне
в час весны, как всегда, зеленеет.

Я вхожу в Шереметьевский Дом,
чтобы тень не спугнуть — осторожно.
На столе — белой Библии том,
как всегда — в Песне Песней заложен.

Словно тронули струны времен —
половиц затихающих скрипы.
В Петербургский врываются сон
шелковистые шелесты липы.

Приближается времени даль,
и на миг — строгий профиль воскреснет.
И бессмертная темная шаль
чуть качнется на сломанном кресле.

В лунном свете — паркетная прядь,
и в окне — дальних звезд многоточья.
*Так же строго ложатся в тетрадь —
продиктованы Музою — строчки...*

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ

АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Старинный том, цитата Блока

«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Луча ночного льется локон
в раскрытого окна прореху.
Старинный том, цитата Блока:
«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Но как еще сказать иначе,
чтобы остановить мгновенье,
и почему так много значит
случайных слов перечисленье?

Здесь — фонарей растущих вёрсты,
на этой улице — как вежи.
Не различишь над ними звезды.
Но нет на улице аптеки.

Кремниста улица, пустынна,
идешь, как странник, осторожно,
на остановке вечно стынет
еще какой-нибудь прохожий.

Ему, наверно, одиноко,
ему цитата, словно вежа,
он тоже вспоминает Блока:
«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Но отчего — так много значит
случайных слов перечисленье
и как сказать еще иначе, —
чтобы остановить мгновенье?

* * *

**«Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!»**

Предсказанье становится Роком.
Белый венчик свивался из роз,
и увел за собою Блока
в небеса Иисус Христос.

Предсказанье из строчек свито,
ленты тянутся смертных венков.
И идут за поэтом свитой
все двенадцать учеников.

Отпевания — служба негромка,
и вливается в плачи листвы,
и читает псалмы Незнакомка
летней ночью у черной Невы.

Пусть — предсказаны были мытарства.
Хор звучал, голос девичий пел,
и поэт шел в Небесное Царство,
и его, как достойный, узрел.

И помедлила Незнакомка
близ аптеки и близ фонаря.
Отпевала Поэта негромко,
над Невой разгораясь, заря.

* * *

**«Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!..»**

Звездный луч прольется солью,
свет оставив на судьбе,
я сегодня — буду Сольвейг,
прибежавшая к тебе.

Я приду к тебе на лыжах,
когда кончится пурга,
чтоб огонь увидеть рыжий
сквозь оконце очага.

Я мелькну легко, как веха,
на пути, на рубеже,
чтоб войти осколком смеха,
вспыхнувшем в твоей душе.

Я найду твою избушку,
на опушке, близ сосны,
пусть любовь над нами кружит,
вечерами — до весны.

Чтоб не знали — ночь ли, день ли,
что нам делать? — встать, уснуть.
Чтоб могла неслышной тенью
сквозь калитку ускользнуть

в жизнь свою, где солнце брызжет,
неподвластное судьбе —
от тебя сбегу на лыжах,
от тебя сбегу — к себе.

* * *

«Тебя, Офелию мою, увел далеко жизни холод...»

Мой Гамлет! Как ты изнемог.
Ведь призрачных речей ты пленник.
Я у твоих склоняюсь ног —
в последний раз обнять колени.

Ты — пленник призрачных речей.
А помнишь — были мы счастливы.
Но ждет меня уже ручей
и шелест шелковистой ивы.

Я знаю, что безумен ты,
быть может, только притворяясь.
Безумна я — твои черты,
любя, покорно повторяя.

Стоим мы рядом — на краю,
погибнешь ты в родной отчизне.
С тобой мы встретимся в Раю,
когда оставим *холод жизни*.

Мой Принц! Предвидишь ты конец,
но всё ж — выходишь на подмостки,
лучи совьют тебе венец,
к Распятию готовы доски.

И счёт на дни уже идет.
А помнишь — были мы счастливы.
Меня ручей прозрачный ждет
и шелковистый шелест ивы.

* * *

«...мой ангел вчерашний...»

Твой путь свершая, я не спрашиваю,
но может быть, ты ангел тот,
который выльет гнева чашу
в потоки строк, как в бездны вод.

Ты — ангел — завтрашний, вчерашний,
ты явлен всюду — там и тут,
и я к тебе приду на Страшный
(в который все не верю) Суд.

Ты тот, который ночью метит
неверьем замкнутую дверь,
в те дни, когда на этом свете
дары — ненужнее потерь.

Ты — часть летящего пространства,
к тебе — бежит цепочка слов,
и я, затерянная в странствиях,
твоя добыча, цель, улов.

Ты — ангел древний, новый, давний,
и я, одолевая страх,
кажусь тебе, порою равной,
когда теряюсь в небесах.

Посол нездешнего простора,
зажегший от звезды — свечу
последнюю, на свет которой
я взглядом медленным лечу,

пока еще не вышли сроки,
и время — кажется рекой.
При той свече пишу я строки,
тебе послушною рукой,

и жизнь, как бабочка, сгорает,
и взгляд с твоим — навечно слит,
лишь голос, сбившись, эхом тает
в словах несбывшихся молитв.

✱ ✱ ✱

***«...и что прошли времена
Паоло и Франчески...»***

Луч солнца утра час установил,
отпела капля дальнего металла,
и разум-франт строку из Данта свил:
«Потом Франческа больше не читала...»

Страсть разомкнула створки ловких рук —
забыла, что вначале: вздох или слово,
теперь лишь тень ее обходит круг
долгий Ада. Вслед за ней — Паоло.

А нам с тобой в каком кругу гореть? —
не предпочтем ли вечную разлуку,
ведь мы уже не сможем умереть
от страха и от нежности друг к другу.

И между нами траурно лежат
круги неодолимого пространства,
которые я пересечь должна,
чтобы обречь тебя — на постоянство.

★ ★ ★

«Страшно, сладко, неизбежно, надо...»

Страшно, сладко, неизбежно, надо
мне бросаться в сети темных слов,
чтобы одиночества прохлада
шла до сердца, до его основ,

чтобы — с неотпущенной виною
день прошел, неотмоленный день.
Страшно, если Ангел за спиною,
а не впереди — лишь Ангел-тень.

Дни прошли, когда я легкой птицей
пролетала с песнею в крови,
но душа должна остановиться —
ты сказал — не надо о любви.

И словам я этим строгим внемлю,
жизнь освобождаю от сетей,
вижу лишь заснеженную землю,
очертанья храма, плеск ветвей.

Страшно, сладко, надо, неизбежно
в сети темных слов бросаться мне,
чтобы в одиночестве безбрежном
плыть к спасенью, словно к тишине.

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ

СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

* * *

«О Русь, взмахни крылами...»

Край размытых дорог
и дождя в ноябре,
но в означенный срок
тонет он — в серебре.

Край, где краше берёз —
в рощах тропки дорог,
край, где Север белёс,
край, где ветер продрог.

Край, где в облако слит
дым, маяча, из труб,
край горячих молитв
над прохладою губ.

Край, что Богом храним,
край босых, да святых,
край равнин, да рябин,
до крови налитых.

Божий Образ взвился —
на Него — ты похож,
край, где ты родился,
и куда ты придёшь —

в край, где держится грусть,
грусть без края-конца,
где кружит Птица-Русь,
с ликом Агнца-Гонца.

* * *

***«И доскою надкрестной
прибита к горе заря...»***

Молитва всегда с листа
читается, с поля ветхого,
синей над ней высота,
иней вьется по веткам.

К старинным путям — верста,
к утренним травам — иней,
к материнским устам —
привита мольба о сыне.

За вёрстами — лысый холм,
Кедрон, голубая речка,
и казнь, словно праздник, днем —
наутро прибита дощечка.

*Заря над горою, хмарь,
веток крест над рекою.
«Сын для матери — Царь...» —
синее — одной строкою.*

* * *

«Я буду ласковый послушник...»

Какую же назначишь цену
моим словам, собрав их в горстку?
я ухожу с высокой сцены,
а ты восходишь на подмостки.

Я проведу путем воздушным
твой взгляд, горящий тишиною,
еще ты ласков, мой послушник,
со мною, ставшею иною.

В твоей руке была синица —
ты полетел за журавлями,
тебе высокая светлица,
скитаться мне — монастырями.

Деревья там, неопалимо,
ветхозаветные, сгорают,
там жизнь твоя проходит мимо,
души моей не задевая,

там — я твоим словам не внемлю,
хоть знаю, словом — не обидишь,
ведь я люблю иную землю,
которой ты еще не видишь.

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ

МИХАИЛА КУЗМИНА

★ ★ ★

«О, нездешние. Вечера!..»

Нездешний вечер петербургских зим,
последний год России прежней... Мира...
А здесь поэты, и зажжен камин —
стихи читают. Не смолкает лира.

Пришла пора — слетающих к листам
светящих слов — в года чумного пира.
Кузмин, Есенин, Мандельштам —
стихи читают. Не смолкает лира.

Зима шестнадцатого. Времена лихи.
Горит камин. Потом — заплатят смертью
поэты — за последние стихи,
где каждая строка ведет к бессмертью.

Нездешний вечер длится до утра,
последние стихи над миром кружат,
молчанию приходит вновь пора,
молчание — последнее оружие.

Последний разожжен в ночи камин,
стихи читают, не смолкает лира.
Нездешний вечер петербургских зим,
последний год России прежней... Мира...

Серебро Кузмина

Кто — за жизнь мне ответит,
и какая вина? —
Я опутана в Сети,
в серебро — Кузмина...

Выметают с позором
зря пустующий день.
И слова, как озера,
скроет облака тень.

Пусть когда-то сгорели
строк ажурных мосты.
В лёд — ударят форелей
серебристых хвосты.

Луч твой дальний развеет
строчек сумрачный стык.
Я иду за Орфеем —
по тропе Эвридик.

Я считаю минуты,
вот — просвета черты.
Этой сетью опутан,
мой Орфей, даже ты.

* * *

***«И мы, как Меньшиков в Берёзове,
читаем Библию и ждём...»***

Жизнь — еще порадует угрозами,
иль, в конце пути — склонится лилией.
Надо ждать, как Меньшиков в Берёзове,
да читать единственную Библию.

И презрев толпу — ценить лишь братство,
и стяжать не золото — горсть пепла,
и пройти небесные мытарства,
и отдать на Храм — скупую лепту.

Не копить подарков бранных, царских —
ждать волхвов с последними дарами.
Уходить в обещанное Царство —
по тропинкам, тихими дворами,

среди берез, цветов, да трав высоких.
Пред иконой падать на колени,
подставлять врагу — другую щёку,
и любить того, кто не изменит.

* * *

***«Уж вспухнувшие пальцы треснули
и развалились башмаки...»***

Словам просторно, мыслям тесно
в прокрустовой стезе строки.
*«Уж вспухнувшие пальцы треснули
и развалились башмаки...»*

Тридцатые... Здесь, в Петербурге,
где души в лапах палачей,
он — здесь один, он здесь без друга —
поэт бездумных мелочей.

Нет, не причислен он к изменщикам
он дома будет умирать,
и словно князь опальный Меншиков,
день каждый Библию читать.

И вспоминать начало века —
в каком он написал году
строку, зовущую, как эхо,
«Шабли французское во льду...»?

Господь дарил ему прощенье
за все далекие грехи,
Господь дарил, как утешенье,
ему — стихи, стихи, стихи.

* * *

***«...и она смотрела на меня, улыбаясь,
и бросила мне цветок из волос, желтый.
Я поднял его и поднес к губам...»***

Когда меня провели через сад,
направо, налево, через комнат ряд,
в прохладный покой, залитый светом,
лиловатым, как тени лета,

я подумал: « ангелы живут в такой тишине,
когда лето сменяет весну...»,
и дальше пошел, как идут во сне,
и ангел спросил меня : «Ну?» —

и бросил цветок из золотых волос
— это было начало суда,
как бросают камешки под откос.
А я поднял цветок и поднес к губам

— это был мой земной ответ,
и будущей жизни исток.
И ангел спросил: « На этот свет
зачем ты пришел?»

— «Чтобы поцеловать цветок...»

* * *

***«Разве неправда,
что жемчужина в уксусе тает,
что вербена освежает воздух...»***

Уставшее сердце прощает,
прощаньем смывается пена,
*жемчужина в уксусе тает
и воздух сжигает вербена.*

Слова мои сказаны поздно,
жемчужною ниткой ты связан.
Но хочешь, считать будем звезды,
и сбившийся — будет наказан.

Тебя угощу виноградом,
и сок протечет между нами.
Вослед — поцелуя награду
из губ ты возьмешь губами.

И сок винограда осушишь,
последнюю выдержи пытку,
ведь я отдала свою душу
за чашу с жестоким напитком.

*Растаяла горстка жемчужин,
сожгла бедный воздух вербена.*
Прощенный — ты станешь не нужен,
из жизни уйдешь, как из плена.

Один — оборвешь виноградник,
и звезды сочтешь все над нами.
И лишь поцелуя награду
из губ не возьмешь губами.

★ ★ ★

«Если б я был твоим рабом...»

Канун Поста. Мерцает мягкий иней,
и снежный воздух, как хмельное зелье.
О! Если б я была твоей рабыней,
томящейся в пустынном подземелье.

Меня бы не пугала сырость, плесень,
разлука с домом и шумящим миром,
я, о тебе вздыхая, пела б песни,
душа бы разрывалась, словно лира.

И я б ждала — покорно и печально —
как ангел, как испуганная птица,
когда мелькнет узор твоих сандалий,
когда случайно спустишься в темницу.

Я руки бы сплела, как ветви ивы,
той, шелестящей тихо в райской куще.
К тебе припав, я стала бы счастливей
всех, в мире царствующих и живущих.

* * *

**«Что это, Зоя, вместо нарцисса ты
выткала розу?...»**

Капля дождя повисла,
плыли летние грозы.
Сегодня, *вместо нарцисса,*
тебе я выткала розу.

Так послушно иголка
линии вышивала,
вывела стебель колкий,
капли упали алые —

словно кровь проступила.
Линией тонкой, как волос,
я лепестки выводила,
твой вспоминая голос,

час, когда были мы вместе
и плыли летние грозы.
Вместо нарцисса, вместо —
тебе я выткала розу,

розу — любви эмблему,
мысленно расставаясь,
освобождаясь от плена,
но — в плену оставаясь.

Плыли летние грозы,
капля дождя повисла,
тебе я выткала розу
сегодня, вместо нарцисса.

★ ★ ★

«Наш ангел превращений отлетел...»

В рай возвращаясь, *превращений ангел*,
роняет перья, словно листьев груду,
а ласточка-двойник, держась над прудом,
дрожит, как жизни радужная рамка.

В рай возвращенный — неспособен к мщенью,
пусть с высоты — советует, иль судит.
Без сброшенной листвы — уже не будет
ни пагубы шагов, ни превращений.

В разоблаченной облачной отчизне,
осенняя пора, в природе — прочерк.
Все отлетает — листья, слово в роще,
созревший плод — к подножью Древа жизни.

Иль ангел превращений молвил слово,
иль был полет торжественен и краток —
но в слове стал отчетлив отпечаток
слетевшей жизни — словно лист кленовый.

* * *

**«Как люблю я, вечные боги,
прекрасный мир!..»**

Как люблю я, боги вечные,
солнце, тростники, осоку,
пути небесные, млечные,
тишину жилища одинокого,

Блеск моря зеленоватого,
час тот, когда пора расставаться,
и уходя, оглядываться виновато,
сквозь тонкие ветки акаций
отыскивая удаляющийся силуэт,
как будто расстаешься на много, на много лет.

Как люблю я — домой возвращение,
прощание с другом, уже неверным,
поздно вечером, при звездах первых.
Смерть люблю легкую, без сожаления

о жизни, о любви, которой не жаль.
Как люблю я, боги, боги вечные!
Любовь до завтра, светлую, как печаль,
и пути — небесные, млечные.

* * *

**«Над заштопанным неводом
наклонился Андрей...»**

Я еще Бога не встретил...
Словом призывным согрей!
*Я над заштопанной сетью
бьюсь, Первозванный Андрей.*

Сколько б я не жил на свете,
к голосу я не привык
Божьему... — бросивший сети,
бросивший жизнь ученик.

Лодка готова к отплытью,
я не рыбак — словолов —
голоса штопаю нитью
невод, сдержавший улов.

Слухом привычно отобран
тихий шелковый звук.
Голоса нитью заштопан
невод, что брошен и сух.

* * *

**«Серебряная бьется
форель, форель, форель!..»**

Ветви поют уютно,
марта азартней — апрель,
льется ледок, как лютя,
бьется в ледок форель.

На луч нанизан стеклярус
капли. Метит в мель
облака медленный парус,
гаснущий, как форель.

Чаша — с душой — взлетела,
миг полета, каприз.
Чаша, принявши тело,
взволнованно пела: «Вниз...»

Тело форели дрожало,
смертная доля горька.
Чаша жизни дышала
жалостью. Глубока...

* * *

«В оркестре тело раненое море...»

Оркестра морем — плеск прибрежный брошен,
вниманье глаз сплетает сеть улова,
ростком романа будущего в ложу
вошла она,
как с полотна
Брюллова,

вошла в стихи, пожало-
вана строчкой,
следящая за драмою смертельной,
не поправляя алого
платочка —
жемчужной бестелесности на теле —

оркестра плеском моря — берег ранен,
адажио, анданте, дно сонаты,
за паром голубым —
зеленым краем,
за раем ледяным,
голубоватым,

вниманье глаз, жестокий
веер жеста,
где дирижер хранит истоки
нотны,
смычки срывают мерную дремоту —
безвольный стыд и вольное блаженство.

Ростком романа будущего в ложу
вошла она,
как с полотна
Брюллова,
оркестра морем — плеск прибрежный брошен,
внимание глаз сплетает сеть улова.

★ ★ ★

***«Пусть упадет как беззаконница
меня водившая звезда...»***

Ангел в тучах, в лучах,
иль около —
у плеча
колет взглядом-соколом.

В крыльях сгорбленных —
у околицы,
он над прорубью
смертной склонится

скорбно,
крылья сложив неслышно,
чтоб
звезда по земле водившая —

днем, в ладони лучом упала,
болью став,
иль поняв —
устала

беззаконницей слыть —
вожатой,
в небесах быть —
судьбы заплатай.

✱ ✱ ✱

**«Чистым — все чисто, —
Помнишь, сказал Апостол?..»**

Истоки строки лучисты —
Дамаска стальные дали.
Посланник-апостол Павел
сказал: «Для чистых все чисто...»

Сказал-припечатал навеки,
а мы начитались вдосталь,
слова, как острые вежи,
поставил нам Павел-апостол.

Из слов невесомы завесы,
как вееры мелких акаций,
водителем душ Гермесом
ты мне начинаешь казаться,

идущим ночью по звездам,
чтоб мы распростились с адом —
от бархата тихой бездны,
до шелеста шелка по саду —

чтоб мы нагляделись вдосталь
в Дамаска стальные дали,
куда так спешил апостол —
от Савла к имени Павел.

★ ★ ★

«...пусть судят по новым книгам...»

Если будет дано умереть на святом месте,
закрывая лицо ладонями-латами,
голос твой вернется с жизнью вместе,
голос твой, незабываемо-крылатый.

Если будет дано умереть смертью ранней
— можно ли вообразить себе участь лучше? —
вздروгни, вспоминая обо мне, странник,
проводя меня вместе с солнцем летучим.

Даже если никогда не попадем в святые,
все ж не будем прокляты небесами,
потому что дни-завесы, из лучей свитые,
шепчут нашими словесами,

потому что, даже если сердцем устали,
иль устами — перечислять обиды —
пусть нас судят боги в той дали —
по книгам, которые никогда не выйдут.

* * *

«Пусть идем мы разными путями...»

Мы шагов стезжками
стушевать не сможем
даль. Забросим камень —
пламень возвратится,

над твоим оконцем
всходит осторожно
брошенное солнце,
над моим — садится.

Две неравных части,
счастье так двоится.
Надо мною — властен,
но и ты — мой пленник,

и любовь скупая слепо
возродится,
как из пены пепла,
опаленный феникс.

Скованы незримо
строками-цепями,
словно паутиной,
даль — пустое время,

образ твой, как Божий,
в ребрах, словно в раме,
даль осилить можно,
превозмочь бы — время.

* * *

«А серебро пророчит всем печали...»

Вечер — чистое дня ребро,
горизонт закатом прострочен,
утоли печаль мою — *серебро*,
говорят, печали пророчит.

Милость малую — можешь дать,
Слово дать — вместо вещи,
чтобы вместе могли наблюдать
мы на блюде — приметы вещи,

чтобы зеркала стыла сталь,
на устах — пророчеств усталость,
на старинной картинке — даль,
за старинною далью — парус,

там, на мачте — мечты венки,
там у лодки — смолисто днище,
вечен парус, что одинок —
что-то вещее — тоже ищет.

* * *

**«Заблудился Орфей
Между зимой и летом...**

И на челе, как венчик вечности,
твои прохладные ладони —
встречают лаской быстротечною,
а провожают новой болью.

И я, невольница, привыкла
к тому, что надо мною кружит
разлуки птица — с лунным ликом
далекой залетейской стужи,

что неизбежно — снежной скатертью
восходит прежняя дорога,
еще к тебе — клубочек катится,
но ты его — уже не трогай,

поскольку стужа боль развеет,
чреда закатов, да рассветов,
где *ты скитаешься Орфеем —*
меж тьмой зимы и светом лета.

Разлука на земле — беспечней,
а та, небесная — бездонней,
поскольку, даль ее отмечена
прохладой твоих ладоней.

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ

ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Воронеж

«Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...»

Осип Мандельштам

«по хрусталям я прохожу несмело...»

Анна Ахматова (Воронеж, 1936)

Когда-нибудь, когда уронишь
в день будний слово «Позабудь»,
я от тебя сбегу в Воронеж,
в Саратов, в глушь, куда-нибудь,

туда, в замес метели белой,
в тот город-ворон, город-ёж,
куда по хрусталям несмело
вослед за мною не пойдешь,

туда — на родину Кольцова,
ад Мандельштама, рай щегла,
твоим молчаньем окольцована —
в твоём тепле — мне нет угла.

Найду приют за краем света —
куда еще нести беду? —
и в дом опального поэта,
как Анна некогда, войду,

причастницею стану круга —
тех, кто в ненастье жить привык,
и стану нищенкой-подругой,
ведя воронежский дневник,

когда-то живших здесь поэтов
припоминая имена —
в Воронеже, за краем света,
давно, в глухие времена.

★ ★ ★

***«Она бежит виющуюся тропкой,
Но смерти ей тропина не ясна...»***

Душа болит иной былиной,
когда былинкою бежит
по тропке сизо-голубиной,
где как слеза, роса дрожит —
по каменистой мчится тверди,
без вздоха, отдыха, иль сна,
*но лишь во сне тропина смерти
мелькнет прерывисто-ясна,*
но к смерти жизнь уже привита,
как к звуку долгому смычок,
в нее вращая частью быта,
застенчива, как новичок,
чуть горбясь веточкой корявой,
из ничего — в ничто, вольна,
любую нить вплетая в саван,
шелк паутины, волос льна.

* * *

***«Она идёт — чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка...»***

Я никому уже не возражаю,
вдаль отбывая на бумажной лодке,
на много лет тебя опережая,
и радуясь любой сырой погодке,

влекомая избыточной свободой
посмертной зги, последнею загадкой,
чуть медля в неизвестных переходах
растущих строк в изношенных тетрадках,

припоминая путь, что был короток,
и зная, что уже нельзя прижаться
к тебе, и к жизни, что на поворотах
истертых строк — так трудно удержаться.

Припоминаем тропы, где кружили
в той жизни мы, не зная им названья,
и вот теперь — прошедшему чужие,
не обрели ни почестей, ни званья,
но верные тому, зачем пришли мы
на эту землю — верные призванью.

«Слепая ласточка в чертог теней вернется...»

Ужель устали шелестеть уста,
и ласточки-слова, к теням припав, ослепли,
и даль пред зрячим — пепельно-пуста,
и пред слепцом — одета смертным пеплом.

И горечь слова спрятана в зерно
горчичное, в комочек оболочки,
и ждет, беспамятствуя там давно,
когда росток вошьется в шепот строчки.

Когда Психея-слово, в свой черед,
перебирая вещи неумело,
случайно, наудачу подберет
подругами оставленное тело.

Тогда и я пойму, что благодать
протянута прозрачною тропинкой,
стезей дождя. Пора приходит — стать
летающею небесною дробинкой,

Частицей, что, прибившись к тишине,
и плачет, и поет, не возражает,
и в теле крохотном, как в крохотном зерне,
все, что вокруг, покорно отражает —

даль, что пред зрячим пепельно-пуста,
что пред слепцом одета смертным пеплом.
Ужель устали шелестеть уста,
и ласточки-слова, к теням припав, ослепли?

* * *

«Отравлен хлеб, и воздух выпит...»

Ни воды и ни хлеба, лишь слова ты просишь,
чтобы звук укорял все больней и большее,
чтоб тебе тосковать, словно отрок Иосиф
в чужеземном Египте, возвышаясь, старея.

Закрывая глаза, ты глаголы склоняешь,
строишь в ряд, словно дни, что давно пережиты,
и родные слова, в дар травинкам слагаешь,
как ненужные, но дорогие пожитки.

Ты идешь по песку, что насыпан как время,
помня — замерли стрелки на мерке отплытья
к чужеродным краям, чьи законы, как бремя,
там где кончилась жизнь — но остались события.

Исчезает навеки все — лишь остается
кем-то выпитый воздух, да хлеб что отравлен,
только песня родная до смерти поется,
открываясь душе неврачуемой раной.

Только слова ты просишь — ни воды и ни хлеба,
чтобы звук был короток, как пламя укора,
исчезает навеки все — тянется небо,
да песок под ногами, да времени шорох.

**«Небо вечера в стену влюбилось,
Все изрублено светом рубцов...»**

Вот оно, небо звездное твоей Вечери
предо мной на стене — лунный луч ловлю,
время мое позднее, время твое вечное,
я пред фрескою в свете резком стою.

Дни мои погублены, твои искалечены,
звездный луч из окна на стене рубцом,
и тенями лица склонившихся иссечены,
золотой овал стола завился венцом.

Будущего гонцы в Господней горнице,
от неба твоей Вечери стена светла,
только, как Иуда, в круг ясный клонится
тьнь-предательница — ночная мгла.

Время твое звездное, время мое вечное,
я стою пред фрескою — резкий свет,
небо мое позднее твоей Вечери,
в каждом нимбе-луночке — лунный след.

* * *

**«Как кипариса безнадежность
В неумолимых высотах...»**

Скорби-мои, плачи-мои умножатся,
осенние мои поникнут травы,
дни мои правые иль неправые
повлекутся к креста подножию,

там сорвется голос мой на тех нотах,
что ты пропеваешь голосом нежным,
*достигая в неумолимости той высотной —
вершины кипарисовой безнадежной,*

где лунный серп, изогнутый нимбом-бровью,
повторяется на ликах святых дважды,
где закат обливается той же кровью,
кипарисом впитанною однажды,

где вздыхает меж старых лохмотий,
обретенных по дороге в страстях,
призрак преображенной плоти,
распинаемой на звездных гвоздях.

**«Я только запомнил каштановых прядей
осечки...»**

Занавес несправедного дня,
в устном слове — вещая усталость,
та, что на губах твоих осталась
от янтарной сухости огня —

уст родных (отныне, навсегда,
сердца стук не делает осечки),
но качнется ночью отблеск млечный,
и на луч поймает взгляд — звезда.

Вспомнишь прядь каштановую крон,
вдоль проулка, где прошла ты, слева,
вспомнишь шепот в келье, шелк, да трон —
там на миг взошла ты королевой,

там пришел каштанов цвет на ум,
капор снега лепестков упавших,
шаг, от жизни навсегда отставший,
вечных мельниц, струн, да клавиш шум.

Занавеска праведного дня,
слово вещее уже сгорело в споре,
на губах придымленная горечь
от янтарной сухости огня.

* * *

*«...заресничная страна, там ты будешь мне
жена...»*

*В простор страны заресничной
уходим рука к руке,
на быстром, летучем, птичьем
легко говорим языке.*

*Уводимся в высь не по чину,
в страну без земных прикрас,
ангел со звездной лучиной
пастырем станет для нас.*

*В даль уходить не устанем —
сообщниками в любви,
облако храмом встанет —
на закатной крови.*

*Уходим по райским неровным,
заросшим травой путям,
кто-то лампаду в часовне
земной зажигает нам.*

*Свечу оставляем в храме-
облаке на крови.
Кто-то пойдет за нами —
сообщниками в любви.*

* * *

**«Кому зима — арак и пунш голубоглазый,
Кому — душистое с корицею вино...»**

*Горит — душистое с корицею вино,
пылает Слово, начиная фразу,
и бабочка — с крылом голубоглазым,
влетает сквозь открытое окно.*

Она коснется обнаженных рук,
и рассыпая звездные пылинки,
качнет строки растущую былинку
и возвратится в свой небесный круг.

Мы взглядом будем шарить в высоте,
где только тень от крыльев остается,
мы будем днем искать звезду в колодце,
следы лучей рисуя на листке.

*С корицею — душистое вино горит,
оканчивая фразу, гаснет Слово.
Но во вселенной бабочка парит,
и взгляд летит, и нет пути иного.*

* * *

«Жизнь упала, как зарница...»

Тень упала на страницу,
тень твоя, чтобы присниться,
вспомниться сто раз на дню —
тень твою не отгоню.

Просто нет пути иного,
кроме — пустоты ночного
часа грусти, где волну
прошлого — тебе верну.

Для печали нет причины,
просто — ангельского чина
мы достигли. У плеча —
плеск ли крыл, иль блеск луча.

Легче ангелом очнуться —
чтоб тебе не обернуться,
чтобы мне продолжить путь
за тобой, куда-нибудь.

Снова — жизни паутина,
вязкая, седая глина.
Пусть бреду я наугад,
шаг за шагом, невпопад,

лишь бы тень твоя вернулась,
с прошлым — прошлое сомкнулось,
лишь бы у святой черты
встретились — и я, и ты.

Я — лишь спутница, ведомый,
ты — скиталец, друг бездомный,
за тобой — лишь тишина,
только ей — еще верна.

Перед нами лишь святые
Рая комнаты пустые,
и когда-нибудь, вдвоем
мы туда с тобой войдем.

Ангел встанет светлой вехой,
он не станет нам помехой,
видишь, нимб его горит,
он нам двери — отворит...

★ ★ ★

***«Не говорите мне о вечности —
Я не могу ее вместить...»***

Строкам жития не дано сгореть,
строкам, сохраняющим влагу речную
иордановых струй, чтоб тоску ночную
пламенем гнать, чтобы душу греть.

Чтоб мы могли с тобой говорить,
птицам небесным равны в беспечности,
*о самом насущном, вернее — о вечности,
о том, что душе не дано — вместить.*

Чтобы в глазах сохранялся страх,
чтобы дни становились строже,
чтобы мы взвесили осторожно
наши две вечности — на весах.

Чтобы я, наклонясь через стол,
глядя в глаза, терялась в просторах
вечной души, позабыв о раздорах,
только боясь, как бы ты — не ушел.

* * *

***«Человеческие губы ...
сохраняют форму последнего
сказанного слова...»***

Веду ли — лучом пера,
по строкам, по бездорожью,
радостно, иль осторожно —
молю, чтоб на твой порожек
мысль моя забрела.

Что же еще сказать,
словом каким приглубить? —
Ангелов вскинулись трубы,
чтоб не сгубили губы —
первую благодать.

Утренний голос твердит
слова молитвы охранной —
Евангеля, Веды, Кораны —
блаженства живою раной
каждое слово горит.

Слепок с Вечности снят —
поздней строки основа,
душа к тишине готова,
форму последнего Слова —
губы певца сохранят...

* * *

«Мне хочется бежать от моего порога...»

Времени резвая речка мелеет,
резкою насыпью высится боль,
Что же я сделала? Совесть белеет,
как на дороге замерзшая соль.

Чьи-то глаза — в мои смотрятся строго,
полночь апрельская в Пасху свежа,
как колея, стала скользкой дорога,
как *от порога — нельзя убежать.*

Веха молитвы — ангела эхо,
в вешнем морозе ломается звук,
рыбьей укроешься ветошью-мехом —
петелька жизни рвется из рук.

Первая зелень скользнула вдоль сада,
сохнет на скатерти — охрой — кулич,
месяца венчик над бездною ада,
кто-то блаженен и счастлив, и нищ.

* * *

«Трижды блажен, кто введет в песнь имя...»

Когда ответа не спрашивают,
не ведаем, что творим.
Строка моя скромно украшена
именем громким твоим.

Средь слов — твое имя алмазом
упало, колечком с руки.
Я, словно победу, праздную —
рождение праздной строки.

*Я словно трижды блаженна,
введя твое слово в песнь,
как Та, что была меж женами
блаженна, услышав Весть.*

Строка безымянная тоньше
нити, где жизнь дрожит.
Строка с твоим именем дольше,
строже других — звучит.

* * *

*«И я теперь учу дневник
Царяпин грифельного лета...»*

Летний путь, словно в Лету — гибельный,
только дождь утешительно жалит,
и крошится огрызок грифельный,
и дрожит строка на скрижали.

Строк — мучительно-святы оковы,
дождь елейный еле накрапывает,
каждый вздох, как итог дневниковый,
темным грифелем нацарапанный.

Колыбельные зыбки свиты
из полосок протяжно-лунных,
и плывет в каждой лунке Учитель
к фараоновой дочери юной.

Над Рассеею свет рассеян,
тот, что с тьмою борется где-то,
мы стоим, как народ Моисеев,
пред жестоким Божиим Заветом.

Словно тенью, покрыты виною
дней разрозненные страницы.
Но береза горит Купиною,
чтобы свет остался на лицах.

* * *

«Упал опальный стих, не знающий Отца...»

Каждой зимой выпадает жребий —
крутую строкой вершить восхождение,
ведь без Тебя безглагольно небо,
требует мир — Твоего рожденья.

Слово Твое приходит из дали,
точно посыпано звездною солью,
чело страницы — пчелою жалит,
иглою вечности, то есть, не больно.

Видишь руки к свече припали,
долг огонь, коли дни короче,
даже стих затих, как опальный,
словно не знающий слова Отчего.

Ах, какими словами начати?
Коротки тени дней и явлений,
жизнь пуста без Твоей печати,
нет ни вздоха, ни вдохновенья.

Светом — из дали приходит Слово,
то, что тьмы земной сторонится,
то, что посыпано звездной солью,
то, что затмит и мою страницу.

★ ★ ★

«И сладкогласный труд безгрешен...»

Слова — терновую черту сотрут,
освобождая даль, как зов твой вешний,
согласен ты на сладкогласный труд,
где каждая тропа — уже безгрешна.

Туманный пред тобою вырастает век,
да не окажется твой путь — тщетою.
Ты не собьешь словесных веских вех,
подружишься с роскошной нищетою,

и до туманных доживешь седин,
словами разрывая круг за кругом.
Со мною ты — еще ты не один,
строка жива, как нищенка-подруга.

Не скосит ветер слов мгновенных тень —
живет зерно, укрытое землею.
Благословен — поэта каждый день,
овеян ветром, вьюгою и мглою.

* * *

«По пояс в тающем снегу...»

Я через тьму к тебе дойду.
По пояс в тающем снегу
я перейду в твои просторы,
считая купола, венцы,
вершин чернеющих зубцы,
и каждый плат полей — узорный.

Чтоб с каждым шагом вновь и вновь
мне сердце ранила любовь,
и возрастала боль и жалость,
Чтоб от заката до зари
тебя просила: подари
мне этот путь, отрезок, малость.

Еще не сдан последний грош,
слова, как лепту, не вернешь,
не остановишь звук крылатый,
который рвется через край.
Ведь мы еще от ада в рай
не перешли мостом горбатым.

Еще — две жизни на весах.
Побеги первого овса
пасхальным утром льнут к ладоням.
И древо жизни во дворе
зазеленеет на заре,
и первый луч в листе потонет.

Ведь линия луча — предел,
в который голос возлетел,
где купол горизонт венчает, —
в той церкви были мы давно,
там в жизнь иную есть окно,
там Образ Божий проступает.

* * *

«Я изучил науку расставанья...»

Расти, строка моя, влеки,
с тобой я расстанусь навеки,
как эхо, ведам вопреки,
в душе поют твои побеги,

как тени тонкие в ночи —
о, радость уз и узнавания,
твоим узорам научи,
лучам, науке расставанья,

сними воспоминанья груз,
окутай первым плачем плечи,
сплетая голос с пеньем муз,
чтоб вечностью продлился вечер.

И пусть томит веретено,
и тянет тишину, как пряжу —
в той дали Делия давно
летит, как сон иль пух лебяжий.

Нить тишины мелькнет, как сталь,
очистит путь в просторы ночи,
долг неизменен — в ту же даль
глядят заплаканные очи.

Расти, строка моя, и впредь.
Кому — дается жребий в битвах,
нам — их назначено воспеть,
в минутной тишине, в молитвах.

* * *

***« Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любим рая, не боимся ада...»***

Канул день, еще не отмоленный,
тишиною завершая строки.
Мне твое окно в ночи бессонной
светится иконой далекой.

Ты в окне проходишь быстрой тенью,
ночь качнулась, створки отворяя.
Медленно паду я на колени,
пред тобой молитву сотворяя.

Дар молитвы — выше жара речи,
если жизни высохли истоки.
*Впереди нам чудятся предтечи,
нас бичуют вечные пророки.*

Но твое окно горит над краем —
горек грех, а хлеб молитвы сладок.
*Мы с тобой еще боимся рая,
но уже — не принимаем ада...*

★ ★ ★

***«Он подает куда как скупо
Свой воробыный холодок —
Немного нам, немного купам,
Немного вишням на лоток...»***

*Дождик вишнями на лоток
упадет воробыным бременем,
будем пить за глотком глоток,
холодок дорогого времени.*

Но возьми же — под локоток
и пойдем далеко, беспечно —
время пить за глотком глоток,
чтоб в конце — захлебнуться вечностью.

Пусть дрожит дорожки виток,
то заплачем мы, то засмеемся.
Но возьми же — под локоток,
если вечностью захлебнемся —

где-то после часов восьми,
когда сброшено жизни бремя.
Только под локоток возьми —
молоточки подслушать времени.

Слово — славной речи росток,
мелочь сыпется с мельниц величья,
но возьми же — под локоток
в час, когда мы друг друга кличем.

Дождик зарится на лоток,
озарен горизонта бременем,
будем пить за глотком глоток
капли вечности, или — времени.

* * *

«На лестнице колючей разговора б!..»

Я знаю, что ты — не святой,
что нет меж нами уговора.
*Но так — на лестнице витой —
с тобой хотелось б разговора.*

Где воздух в форточке колюч,
не ты, а он — словам ответчик
где только взгляд, быть может, ключ,
когда вдруг робко дрогнут плечи.

Пылинок тонкая метель,
зеленых почек стыд и девство,
в просторах прячется апрель,
а от тебя — куда мне деться?

Кто ты — иль Божий, иль ничей,
и нет меж нами уговора.
Горячка первая грачей —
и так хотелось б разговора

там — между жизнью и мечтой,
там где апрель побегу прячет,
на высоте предельной той,
где мечутся грачи в горячке.

★ ★ ★

«А им дано, гадая, умереть...»

Я научилась быть на расстоянье
с тобой, в тиши просторов городских
моих скитаний. Дни без ожиданий,
часы молитв, да речь свечей ночных.

При язычке свечи — язык неточен,
непрочен невод неразрывных уз,
неведомых тебе и мне. Короче,
привычен нам узлов-разрывов груз.

Нам нравится — стремиться к отрицанью
того огня, что в нас еще горит.
Но не во тьме, а при его мерцанье
душа с душой, быть может, говорит.

Наш разговор вплетен в сырую пряжу
моей строки. Узор навек пришит
к странице белой, выгнутой лебяжьим
крылом, иль парусом. Куда он мчит?

Его, быть может, ангел мой прикрепит
к твоей ладье. А мне — мне не успеть.
Я выбираю легкий крест, как жребий —
лишь о тебе гадая, умереть...

* * *

***«Чтобы в ней к Рождеству отразилась
семью плавниками звезда...»***

Пусть в глазах твоих, словно в колодце,
отразится семью плавниками
та Звезда — чтобы мне уколотся,
иль согреться ее лучами.

Чтоб увидела я воочью,
что всегда приходит из бездны,
в точный час, Рождественской ночью
этот свет негаснущий, звездный.

Чтобы помнила я — это пламя —
время темной водою не смоем —
не стирается в сердце память
о Младенце, рожденном зимою.

Пусть в глазах в эту ночь отразится
этот луч, как бессмертное жало,
чтобы вечности звездная спица
наши нити — в события сплетала.

* * *

«Неизвестный положен солдат...»

Строка моя растаяла вдали.
Когда же зреньем ты ее добудешь,
то, как и я, до смерти не забудешь
короткий смысл: мы — пленники земли.

Одна и та же боль у нас в крови,
одна и та же соль в руках — земная,
одно и то же — видим, слышим, знаем,
короткий смысл: мы — данники любви.

Мой вечный Бог! Меня одну суди
за все, в чем были оба виноваты.
*Мы — только неизвестные солдаты,
и бой со смертью ждет нас впереди.*

Но без любви, без смерти, жизни, без...
Мы — птицы, не узнавшие полета,
и после жизни остается что-то,
короткий смысл: мы — странники небес.

Любовники, солдаты... Где ж конец,
граница неочерченного круга,
в котором мы — лишь пленники друг друга,
лишь странники, принявшие венец.

* * *

«Сохрани мою речь навсегда...»

Где-то в памяти ты сохрани,
даже если запомнишь не сразу,
эту жизнь, что оборванной фразой
сушит время и тушит огни.

Даже если все станет чужим —
что-то вечно тревожит, как искус,
только горечь надежна, как привкус,
как утраченной Родины дым.

Даже если покроется мглой
угол, что на утратах построен,
ты утетишься сладким настоем —
кругового терпенья смолой.

Каждый круг этот равен беде,
возраст древа исчислен веками,
но звезда шевелит плавниками,
отражаясь в крещенской воде.

Только это ты сможешь сберечь —
свет звезды, восходящий кругами,
да еще — в шуме времени, в гаме,
оклик мой, словно тихую речь.

*Эту речь сохрани навсегда,
даже, если она оборвется,
в глубине, где мелькнет, как в колодце,
словно Божие око — звезда.*

★ ★ ★

***«Есть у нас паутинка
шотландского старого пледа...»***

Беглецы, где-то пледа найдем паутинку —
сквозь нее виден свет от вселенной бездонной,
мы от мира уйдем — безымянны, бездомны,
наши стихнут шаги на безлюдных тропинках,

там, где наши следы — просто пыльное бремя,
время нам не поймать — оно шероховато,
просто, в беге его — стрелки лишь виноваты,
разделяя весь мир — на пространство и время,

пусть — на ходиках давних гирькою горькой
счет ведется часам, дням, минутам, неделям —
белоснежной земли мы с тобою разделим
ткань шершавую — хлебную серую корку,

ледяная земля — паутинкою пледы укрыта,
белоснежное поле — последняя наша страница
не предав никого, мы уходим с тобой —
разночинцы,
время вспахано плугом, и звездами небо изрыто,

мы укроемся пледом, как флагом военным,
в час, когда мы поймем — время кончилось битвы
с жизнью той, где в конце наши слиты молитвы
в песнь о нас, беглецах — это лишь неизменно.

Ангел-Мэри

«Ангел Мэри, пей коктейли...»

Хладеет времени рука
на темени... бежит строка,
легко вдеваясь в луч-иголку.

Ах, Ангел-Мэри, все равно
мое изранено окно
звезды полуночным осколком.

Слова сбиваются, часты,
ах Мэри, старые часы
показывают миг расплаты.

И плечи тяжестью свело,
растет невидимо крыло,
и мы, как ангелы, крылаты.

И где-то вечные гонцы
сплетают из лучей венцы
и строят нам с тобой голгофы.

Ах, Ангел-Мэри, все равно,
мы пьем старинное вино
и новый смысл вливаем в строфы.

Ведь, Мэри, мы с тобой равны,
так станем же, как Бог, бедны,
и выберем хитон поплоче.

Ведь, Мэри, мы с тобой взлетим,
когда богатство раздадим —
лишь — облаков оставив ношу.

* * *

«Того, что было, не вернешь...»

Того, что было, не вернешь,
за мною следом не пойдешь —
к версте березы полосатой.
Мелькнет мне ангел белизной,
сложивший крылья за спиной
прозрачным холмиком горбатым —

достигнет моего угла,
когда сойдет ночная мгла
с иного мира на иконах.
Как ты, передо мной на миг
он в этой комнате возник
и слился с далью заоконной.

Пред этой далью я склонюсь,
лучу случайному молюсь,
затерянному в снежной кроне —
он веток разрывает сеть,
чтоб пламенем небес согреть
еще холодные ладони.

И с ним придет издалека,
как он, случайная строка,
согреет снежные тетради.
Я ей шепчу: не уходи,
куда-нибудь меня води,
побудь со мною, Бога ради...

Ведь у березовой версты
уже натянуты холсты —
куски прозрачного пространства.
Мы различим издалека,
как там дымятся облака —
напутствием для новых странствий.

* * *

«Я дружбой был, как выстрелом, разбужен...»

Строка надо мною пусть кружит,
мерцает свечой в изголовье,
ты дружбою был разбужен,
но спишь, утомленный любовью.

А мне без тебя — как без солнца.
Меня увлекает другое:
любовь — это время бессонниц,
а дружба — лишь время покоя.

Скажи только слово — любое,
его я вплетаю в балладу,
пусть сердце поет с перебоем
то слово, как птица руладу.

Строка над тобою закружит,
чтоб выбрал ты бремя другое,
очнувшись, любовью разбужен,
однажды, забыв о покое.

★ ★ ★

***«Еще далеко асфodelей
Прозрачно-серая весна...»***

Тропинка луг цветущий делит,
шаги теней — по ней легки.
Букет воздушных *асфodelей*
к ногам роняет лепестки.

В конце тропинки — не река ли,
где времени прибой вдруг стих.
Как будто снова в зазеркалье
пришли мы, где недвижим Стикс.

Там лодку укрывают кроны
нездешних ив на берегу,
там я — для древнего Харона
скупую лепту берегу.

Пустая лодка ждет на мели,
и месяц серебрит висок.
В руках моих — лишь *асфodelей*,
тобою сорванный цветок.

На берегу стирает даты
песок, я ближе подхожу,
цветок, за жизнь скупую плату,
я кротко — в лодку положу.

* * *

«Там ты будешь мне жена...»

Пусть — луча уронит спица
отблеск слова на страницу,
пусть — со словом заодно
летний день уйдет на дно.

Возле берега крутого
ты песка возьмешь речного,
слов туманных пелену
я над нами протяну.

Словно, мы в одной картине,
и одно над нами стынет
солнце. Где-то, у ручья,
я плечом коснусь плеча.

Ты стоишь, не обернувшись,
ты уйдешь, не оглянувшись,
но я крикну: Не забудь,
вслед тебе лежит мой путь —

по холмам, в ту даль-пустыню,
где чужое солнце стынет.
В даль, где по ночам не спят,
птицы слов моих летят.

Где небесный свет качнулся
и моей руки коснулся,
будто ангел — с высоты,
где стою я у черты,

у ручья с водой свинцовой,
где мое услышишь слово,
где с тобой, навек одна,
я останусь, как жена,

в том раю, где спят святые,
в том краю, где золотые
яблоки в траву летят.
Наши ангелы стоят

там, как будущего вехи.
И с тобою, без помехи,
в тот небесный водоем
мы когда-нибудь — войдем.

* * *

«Над книгой звонких глин...»

Бог — нас еще не создал,
но каждое утро птицы
пели, и падали звезды
на глиняные страницы...

Побудь до этой минуты —
пусть птицы петь начинают,
и лучшее время суток
стрелки обозначают.

Так — здесь бывает нечасто —
времени медлят спицы,
побудь — здесь до этого часа,
когда просыпаются птицы.

Час, когда тонки грани
между тьмою и светом,
и ночь побеждается ранним
часом рассвета.

Бог — нас еще не создал,
но пели над миром птицы,
и ночью падали звезды
на глиняные страницы,

где выводил Создатель
в Книге первую строчку.
Птицы не помнят даты,
но час этот знают точно,

час между тьмою и светом,
час высокий, как нота,
час наступленья рассвета,
час начала полета,

час, когда медлят спицы,
время деля на части,
когда просыпаются птицы,
побудь до этого часа.

Бог еще нас не создал,
и миром владели птицы,
*и гасли последние звезды
на глиняных первых страницах...*

★ ★ ★

«И сосна до звезды достает...»

Рядом с домом твоим
в высь стремится, растет
корабельный мачтовый лес,
ель темнеет,
сосна до звезды достает,
и во взгляде всегда —
звездный блеск.

Вечерами
ты ворожишь у огня,
в лепестках его
ищешь ответ.
Сохрани для детей,
сохрани для меня
этот вечный
вечерний свет.
Подыми
белых клавиш бегущий вал —
молоточки коснутся струн,
и ты вспомнишь то,
что в детстве играл,
предрассветный
Шопена ноктюрн.
Горизонт твой изломан,
горный хребет
в городке
подступает к домам.
Я когда-нибудь
снова приеду к тебе
мы с тобою
пойдем по холмам,
мы войдем
в корабельный мачтовый лес,
по тропинке,
что в небо ведет,
ты покажешь мне
точку ночную небес,
до которой — *сосна достаёт...*

Строчки грифельные — оды

*«Здесь созревает черновик
Учеников воды проточной...»*

В ночь — льется плач из водосточной
трубы, иль флейты. *Кто даст сил
ученикам воды проточной —
и слёз, и влаги, и чернил.*

Лучи, рожденные восходом,
бегут, тетрадь еще чиста,
но строчки грифельные — оды —
растут, ветвятся на листах.

Глубинный смысл в прозрачных рифмах
клубится. Где его исток?
Невольно, след оставит грифель,
чуть сломанный на стыках строк.

Излом небесных переходов,
где горизонта даль чиста.
Растет рассвет. Простёрта ода
на глади пепельной листа,

вбирая плеск воды проточной
и слёз, и плача, и чернил,
и песню флейты водосточной —
ученикам — Господь дал сил.

**«И евхаристия, как вечный
полдень, длится...»**

Словно жизнью, строкой рискую,
часа смертного по вечерам
жду. Но ангелов я рисую
на прозрачных листах, по утрам.

И лоскут мне небесный виден
в синеве, в просторе окна.
Каждый день я строю Обыденный
храм стиха. В нем живет тишина,

что — второй становится жизнью,
той, где каждый — молитву творит,
той, где ангел входит неслышно,
тот, кто Царскую дверь отворит,

и откроется Лик Господень,
от свечей — блик небесный огня,
Евхаристии длится полдень,
Бог живой глядит на меня.

В этот храм ты войдешь однажды
и, окутанный тишиной,
и, томимый духовною жаждой,
встанешь тихо рядом со мной.

* * *

«...холмы, спеленатые туго...»

Когда-нибудь, мой друг, словам моим внемли,
пройди со мной навек тропинкой узкой луга,
где горизонт открыт, где чудятся вдали
библейские холмы, спеленатые туго... —

той лентою дорог, что мы с тобой прошли
туда, за горизонт, и не дано вернуться —
сквозь молнии тревог, мерцающих вдали,
как в запредельном сне, где не дано проснуться.

Когда-нибудь, мой друг, внемли моим словам,
пройди со мной навек той луговой тропинкой,
где отдан горизонт, как в Библии, холмам,
и где Земля — дрожит над каждою былинкой.

* * *

**«Сначала думал я, что имя — серафим,
И тела легкого дичился...»**

Зачем сказал поэт,
что имя — *серафим*...
Той фразы давней след
мной наизусть заучен,
и Слова дальний свет,
что памятью храним,
как отблеск прошлых лет,
в душе звучит и мучит.

Прозрачна ткань стиха,
как облако плывёт —
небес прозрачный плот,
сливаясь с тишиною.
И яблоня, тиха,
в Раю роняет плод,
на землю он падет,
чтоб стать — греха — виною.

Пусть катится кольцо
тропинкою лесной,
встречаясь с тишиной,
похожею на счастье,
пусть жизнь уходит в тень,
но — выйди на крыльцо
с молитвою одной —
чтоб миновали день —
и горе, и напасти.

* * *

«...в моих руках лишь глиняная кринка...»

Как узы, не связать разрозненные фразы,
оборванную песнь продолжить не дано,
как сон, или любовь, прошедшую вдруг сразу,
или — тот первый стих, пьянящий, как вино.

Пусть — льют колокола под тяжестью суглинка
и подбирают звук, как певчие, на слух.
Вот — чашки черепок, *вот глиняная кринка,*
вот — пламя ремесла, плывущее из рук.

Вот зимняя изба, укрытая соломой,
где можно лепестки горящие считать,
склоняясь вечерами к пламени живому,
и первую звезду в морозный час искать.

Колокола поют, и над крестами галки
вплетают плач и крик в вечерний благовест —
о чем расскажут нам летящие гадалки,
в какую даль идти в мороз, под солью звезд?

★ ★ ★

«Жизнь упала, как зарница...»

Пусть мне жизнь твоя приснится,
унесется в даль синица,
тихо голову склоню
я к вечернему огню.

В бликах облака ночного
облик чудится — Святого,
и с молитвою к нему
тихо руки протяну.

За окном береза стынет,
и осенней паутиной
обнимают ветки ствол.
Странник там в дали прошел,

в светлый плащ свой обернувшись,
он ушел, не оглянувшись,
продолжая строгий путь
в высоту, куда-нибудь.

Предо мною путь недлинный,
тот, куда идут с повинной,
рельсы долгие блестят,
только нет пути назад.

Там в дали нас ждет Садовник —
всех — виновных, невиновных,
там за облаком страна,
где вселенная видна.

Горы яблок налитые,
а вокруг стоят святые,
небо — звездный водоем,
и для каждого есть дом.

Даже смерть там — не помеха,
посредине, словно вежа,
Древо жизни там стоит,
золотой листвой горит.

* * *

«Из глубокой печали восстать...»

Научи твои мысли читать.
Лунный луч пусть к окошку причалит,
чтобы эту строку записать,
и *восстать из глубокой печали.*

На земле ты от жизни устал,
исходил землю всю — Вечный странник.
Ты во сне — детский Рай увидал,
и видением память изранил.

Сон — высокой печали исток,
детский скрип деревянной качели.
Небосвод там был тих и глубок,
и шептались вершинами ели.

Ты уходишь, виденьем влеком,
чтоб узнать, что там скрыто, за далью.
Но всегда возвращаешься в дом,
тот, что в детстве казался нам Раем.

* * *

**«...сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся...»**

Ангелов число бесчисленно — милых.
Одиноки в море корабли,
одиноки в небе журавли,
для полета — Бог дает нам силы.

В небесах всегда мелькает что-то,
вот и надо мною проплыла
тень от журавлиного крыла,
и строку чертою провела —
наступило время перелета.

Взгляд плывет вослед за облаками,
небеса не терпят пустоты,
и по комнате летят листы
с нарисованными мною журавлями.

Сосчитать хотя бы половину.
Клин осенний надо мной взвился —
над Элладю когда-то поднялся
так — старинный поезд журавлиный...

**ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ
ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО**

* * *

**«А вы ноктюри сыграть могли бы
на флейте водосточных труб?..»
«Я сразу смазал краску будня...»**

*Пусть будней стирается краска,
но кресло воскресного дня
запомнит горячую ласку
луча, как кусочек огня.*

Растянуты будни, как волны,
шум улицы, шорохи шин,
но светится каждое слово
воскресной беседы. Кувшин

с цветами и шепот — не бойся,
окутайся в призрачный дым
из строчки о «соснах савойских»,
пусть плен ее станет святым,

пусть музыка строчки неточна,
небрежно дрожание струн,
на «флейте трубы водосточной»
нам ветер сыграет ноктюри,

вплетенный в звенящие струны,
мы выберем только одно —
из вечного улицы шума —
звук неба, раскрывший окно.

* * *

**«Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?..»**

У каждой звезды есть такое Имя,
которое ты произносишь шепотом,
звезды в ночи зажигаются, чтобы
мы иногда говорили с ними.

Луч от звезды летит к ладони
твоей — невидимая дорога —
идя по ней, обращаешься к Богу
на языке бессловесном, бездонном.

Звезда — фаворского света частица,
у каждой звезды есть такое пламя —
увидя его, ты думаешь — с нами
земной беды уже не случится.

Словно взгляды бездонные чьи-то,
звезды глядят на тебя издалёка,
твоя Звезда — это, может быть, око
Серафима многоочитого.

Жизнь — с небесными связана нитями
лучей в ночи — никуда не деться.
Твоя звезда — это, может быть, сердце
ангела-твоего-хранителя.

Звезды в ночи зажигаются, чтобы
мы иногда говорили с ними,
у каждой звезды есть такое Имя,
которое ты произносишь шепотом.

★ ★ ★

«Джиоконда, которую надо украсть!..»

День мой твоею улыбкою взвинчен,
сумрак — кольцом, жгутом анаконды,
чтобы с холщовой ткани да Винчи
ночь ускользнула бы Джиокондой.

День твой чужою улыбкой пронизан,
значит и мне — улыбнуться нынче,
чтобы капризной волной Моны Лизы
день сошел с полотна да Винчи.

Ясный твой вечер прошит чужою
песней, уколами слов по шелку,
праздно твоей овладевши душою —
чтоб моему рассказу умолкнуть,

чтобы овалом звука чужого
был черный шелк твоей жизни вышит,
чтобы к словам моим с неба ночного
стражник слов, осторожный, вышел.

Ветер на круги чужие стелется,
в круги пройдя неразрывные наши,
все же — глагола усталого мельница
крыльями наших ангелов машет.

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ

БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Памяти поэта

А на столе свеча горела —
последнею отрадой взгляду,
и свет летел во все пределы,
как в давнем феврале когда-то.

Поэт коснулся взглядом церкви —
в окне рос храм Преображенья.
И знал поэт, что свет померкнет,
и вспыхнет Свет Преображенья.

Земное завершалось странствие,
спаладала времени короста —
он был уже в ином пространстве,
которое — стихами создал.

Он вырывался из капкана
последних строк, над ним звучащих.
Последний луч в оконце глянул,
и соловей защелкал в чаше.

* * *

«...из тех материй, из которых хлопья шьют...»

Пусть береза лист уронит
на стекло. Пусть вьется дым —
дань камина в дальнем доме
ранним сумеркам седым,

где сведется день к потере
капель, что роняет дождь.
Там на слух — еще поверят
в скрипы двери, в сердца дрожь.

*Слышен шелк иных материй
там, где прошлое — не жгут,
где в смирение ждут и верят —
в ад и рай, в терновый жгут,*

где сменяется доныне
осень — сахарной зимой,
тонет ёлка в крестовине,
словно доли нет иной,

кроме той, что в дальнем доме,
где зимой горит камин,
где кармин заката тонет
в окнах, сумраком гоним.

В доме том и мне знакомы
каждой комнаты черты,
каждый угол, клин иконы,
где стоишь с молитвой — Ты...

Не спи, художник

*«Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты вечности заложник
У времени в плену...»*

На мир упала мгла,
но мы зажжём светильник.
Икона из угла
нам светит — мгла бессильна.

Здесь тишина царит,
летят бесшумно хлопья,
но Голос говорит:
Ты — Божие подобье.

Так много в мире зла,
а чистых душ так мало.
Но Свет растёт, чтоб мгла
от мира отступала.

Светильники зажжём,
подобием ответа,
лампадою-огнём
чуть-чуть поможем Свету.

Пусть — долгод зимний сон,
*но ты — не спи, художник,
ты — временем пленён,
ты — Вечности заложник...*

* * *

«Душа моя, скудельница...»

Душа моя, ровесница,
тропинку выбирай,
по узкой черной лестнице —
не попадают в рай.

Душа моя — паломница,
с молитвой на устах,
отшельницею склонится
пусть тень твоя — в скитах.

Душа моя — ответчица,
попутчица в беде,
пусть жизнь моя осветится
тобою на Суде.

Душа моя — скудельница,
я путь твой повторю,
веретено не ленится
плести судьбу мою.

Душа моя — советчица,
свет веры на крылах,
душа моя излечится
молитвой на устах.

Душа моя — скиталица
на всех земных путях,
душа моя останется —
с тобой на небесах.

* * *

«У смерти очертаний нет...»

Я строчку выпущу из рук,
поймав ее — в конце скитанья.

Очерчен смело жизни круг —
смерть не имеет очертанья.

Об этом знаешь ты давно,
в туманность вечности поверя.

Влетаешь в жизнь через окно,
а покидаешь — через двери.

Последний шаг — не подстеречь,
в нем только ангелы виновны.

Жизнь — это вздох, как слово, речь,
а вечность — млечное безмолвье.

Жизнь — как движение руки
от края — к Раю, вдоль страницы

высоким берегом строки.
А вечность — поле без границы.

Жизнь — обжигающий туман
дней, как в сне, ночей бессонных.

А вечность, может быть, обман —
глубин беззвездных и бездонных.

Я слово выпущу из рук,
оно тебя найти сумеет.

Горит, как купол, жизни круг —
смерть очертанья — не имеет...

★ ★ ★

«Откуда же эта печаль, Диотима...»

Откуда ж — чужая печаль, Диотима?
Любовь — это жалость, которой не ждешь.

Как Имя простора — неотразима,
как голос, которым унижена ложь.

Печаль, словно пепла горсть — горькая мера,
избыток — на спелые хлопья умножь.

Сметая ненастья сквозную портьеру,
Вторженьем небесным, похожим на дрожь,

сестра-Диотима, как ангел, предстанешь,
натянутой нотою-нитью прошьешь

пространство и строки изранишь
пророчеством новым, и в строки уйдешь.

Уйдешь... Со слезами сорвется завеса
твоим предсказаньем, опасным, как нож.

О, дева, возлюбленная Зевесом,
Сбывается — правда, а царствует — ложь.

* * *

«Ты здесь, мы в воздухе одном...»

Ты здесь... Наш сон — в одной вселенной,
твое явление, как луч,
скрепивший брешь дождя бесценной
той нитью, вырванной из туч.

Ты здесь... Мы сведены соседством
в один просторный оком,
в страницах разных жизнь и детство,
но в будущей строке — вдвоем.

Ты здесь... Где в рощице толпятся
березы, свившись за окном,
с листвою мелкой кроны снятся
тебе и мне потом... Потом...

Ты здесь... И нужно только вникнуть
в твой голос, вьющийся, как плащ,
чтоб жизни жалобная книга
строку запомнила, как плач.

* * *

«Пусть даже смешаны сердца...»

Так трудно вместе быть, идти,
и знать, что врозь нам быть в дали,
где шаг, что гулок был в пути,
сольется с песнею земли.

Двух наших вздохов два венца
осветят путь и в даль, и в ночь,
пусть даже слиты дни, сердца,
но сестры-души просят: прочь.

Два наших вдоха слиты, пусть,
твоя душа — моя душа,
с землей сольется твой, мой путь,
за шагом вслед — собьется шаг.

Пусть даже слиты ночи, дни,
сорви венок с меня и брось
в траву — он ей сродни —
так трудно — вместе быть и врозь.

* * *

«Дай и крыльям моим к тебе прикоснуться!..»

Поцелуй на ладони печатью бессилья,
я к коленам твоим припадала в беде,
из молений моих птичьи сотканы крылья,
дай же ласточкам слов прикоснуться к тебе,

ты слова отвергал отречением веским,
ты не слышал в молитве — простого: прости,
только ангел склонялся с разрушенной фрески
к нам из выси, к которой так больно расти,

но от каждого вздоха огонь разгорался,
да от плача свечи на ладони печать,
только тенью на фреске твой облик остался,
да молитва, что в пламя влилась горяча.

Ангел к дням наклонен с горизонта-величья,
блик разрушенной фрески, как прежде суров,
из молений моих крылья сотканы птичьи,
дай же к выси взлететь мыслям —
ласточкам слов.

★ ★ ★

«Быть полем для себя...»

Но для далекого *быть* — далью,
неузнаваемостью, сном,
которым занят горизонт,
гранича с ним строкой начальной —

истоком *быть*, иль разговором,
опорой, с коей взят разгон,
межой пространства, над которой
горб облака, как скорбный зонт,

отяжеленный непролитой,
в лозу ушедшею слезой —
быть для далекого молитвой
далекой, ладаном-росой.

* * *

«Во мне душа послушного подпаска...»

Вечерних плачей-перекличек эхо
ты расставляешь с грустью недотроги
лучинами плакучих ив, как вехи,
венцами по излучинам дороги.

Душа — еще верна путям воздушным.
Ведешь меня, мой осторожный пастырь,
торопишь к выси по тропинкам душным
вдоль пропасти блаженств опасных.

Когда-нибудь, дорог совьются пряди,
вплетутся в луговые дуги-травы,
и мы пройдем, невидимые, рядом,
и звездный луч к теням прильнет оправой.

Взовьется луч, скользя, клинком ненастья —
версту любви пройдем в изнеможение,
над высотой не теряя власти,
благословив, как жажду, миг движенья.

* * *

«Уйду однажды и навеки...»

Придешь навеки ты однажды
вслед за лучом звезды попутной
и вслед за мной повторишь дважды
слова, что были эхом спутаны.

Мы побредем с тобой без дела
московским переулком зыбким,
и жизни опустевшей тело
расправится травинкой гибкой.

Она взрастет цветком нагорным
чтоб там, в лугах уже не меркнуть,
падет росой на пашне черной,
тропу ведя по новой мерке,

под нашими шагами ляжет
уже сверкающей, бессонной
старинных переулков пряжей,
проступит на стене иконой,

чтобы единственным итогом
нам стала дней дорога длинная,
когда над ней сияют строго
глаза святых с икон старинных.

★ ★ ★

«Пью горечь вечеров...»

Даль не имеет вес,
но давит быть — на плечи,
ты чтишь отвес небес,
а я — пью горечь речи.

Твой горизонт, как ров,
уравнен с небесами,
пью горечь вечеров,
очерченных — не нами.

Там ветер ночей — ничей,
там туч полночных резвость,
там влага тех ключей
в лучах блестит, как лезвие.

Там строк зовущих ряд
в столбцы встает отвесно,
там полночь свой наряд
меняет, как принцесса.

Там вздох былой затих
с улыбкою в соседстве,
на тех устах, чей стих
заучен, словно в детстве.

Там быль — имеет вес,
там даль легла на плечи,
там высота небес —
заменит горечь речи.

* * *

«Но продуман распорядок действий...»

Небесный плотник вытесал те доски,
как первую основу косяку,
которым завершаются подмости,
я через жизнь к ним путь строки влеку.

Тот крестный путь — длиннее, иль короче?
Короче не бывает на Руси,
чтобы успеть прощально — «Авва Отче»
сказать, и следом — «Чашу пронеси...»

Последний путь всегда восходит прямо,
без репетиций вдруг играешь роль,
с небесного листа читаешь драму,
и от усилий проступает соль.

Как будто знаешь распорядок действий,
как поле — только сцену перейти,
и приговора ждать — последней вести,
чтобы успеть душою возрасти.

* * *

**«Но в даль отбытья ...
Грустя, грустя, гляжу я, блудный сын...»**

Все ближе эти окна — с отраженьем
за тишину давно ушедших дней,
с их пораженьем, жизнью и движеньем
еще счастливых наших двух теней,

и распорядком тем, почти ленивым,
и суетой житейской в шелке утр,
когда дела росли глухой лавиной,
и спуск под вечер становился крут.

Блеск глаз под вечер становился тёмн,
но луч еще дышал в тиши икон,
и мир пред нами был еще огромен,
ушедший миг — прозрачен, словно сон.

Уже не спросишь ты — быть или не быть нам —
но жизнь отдашь за прошлый миг один,
как стебли, подбирая дни, события,
и возвращаясь к ним, как блудный сын...

* * *

***«И когда твой блуждающий ангел
Испытает причалов напор...»***

Если ангел твой блуждающий,
покружив, к душе причалит,

станет данью — тенью тающий
день, прошедший без печали.

Вспомнит ангел окрыленный,
что земля подобна тылу,

как страницу опаленную,
он заденет даль бескрылую.

Прошумев, он отступает,
вновь задетый высотой,

и звездою проступает
той, что мечется мечтою.

И как будто укоряя
наступившее затишье,

станут звуки якорями,
если ты меня услышишь,

если ты вздохнешь устало,
проводжая взглядом вечность,

ту, что стрелками упала,
заостря тихо свечи.

★ ★ ★

«И Золушка, спеша, меняет свой наряд...»

Во чреве вечеров — речей горячих горечь,
во имя тишины с тобою говорю,
во имя тишины, порой, со мною споришь,
и в медленном огне твоём — ещё горю.

Нанизывать слова. Строки исправен вертел,
веретено жужжит, сплетая дни в года,
в распахнутую дверь последний входит ветер,
сменяются, как дни, надежда и беда.

Отвесов бытия — еще не кончен траверс,
скупою купиною — слова еще горят,
где торжествует ямб, там бедствует анапест,
и Золушка-строка спешит сменить наряд.

Листы разметены, их улей разворошен,
бессонницею взят, пленен — воздушный стих,
и утренним лучом случайно сбит порожек.
Прости... Такую ночь — не делишь на двоих.

✱ ✱ ✱

«Никого не ждут. Но — наглухо портьеру...»

Бабочки абрис к тени дня пришпилен,
чтоб его ладонью кто-то укрывал,
чтоб из шёлка крылий восходил светильник,
отгоняя ночи тридевятый вал,

светом окаймляя верхний край портьеры
в доме, где былого всё тусклее след,
тот, кто обитает там — в возвращенье верит
чье-то, в тень родную ускользнувших лет.

В доме полупусто, комнаты просторны,
омывают окна ризой облака,
ветер, возвращаясь с площадей соборных,
трогает дыханьем древо косяка.

Спичкой не согреешь комнаты просторной,
не зажжешь лучиной древо косяка,
но странице верен древний грифель черный,
но слова выводит ангела рука.

* * *

***«День Введения во храм Богородицы
Есть бесспорно введение в зиму...»***

Изласкан лоск паркета тенью,
игре лампад благодаря,
поскольку завтра — день Введения.
Зима. Начало декабря.

Зима. Пера опасна проба,
строки заиндевевший куст
растет упрямо над сугробом
моей страницы. Вечер пуст.

Но куст-багульник, слава Богу,
из хрусталя пьет влагу. Пусть,
не век же быть зиме, эклога
строкой пологой гонит грусть

из уст в уста — пока напьется
багульник, влаги снежной рад,
пока всё чаще сердце бьется,
как пламя в чашечках лампад.

* * *

«Лужайка обрывалась с половины...»

Жизнь оборвалась где-то с половины,
там, где маячил, прячась, Млечный путь,
а мне мечталось, краем той равнины
когда-нибудь с Тобою в такт шагнуть —

по травам, по листве, каймой метельной,
сплетенной утомленною зимой,
когда-нибудь — душа скорбит смертельно,
куда-нибудь, в край, равный с тишиной,

где мы, как листья, возлетим, сгорая
в огне, поняв законы жития,
благодаря, что шли всегда по краю,
по лезвию, над бездной бытия,

над проведенной путником границей —
Предтечею, уставшим от пустынь.
Я знаю — страшный путь мой должен сбыться —
Тобою предначертанный... Аминь...

* * *

«Из рук не выпускал защелки...»

В зеленоватой тине шёлка
тот канул день,
из рук твоих рвалась защёлка,
впуская тень

мою. Пожалуй,
день долго тлел,
березы клок, как полушалок,
в окне висел.

В тех окнах, с мглою бесконечной,
горел зигзаг
той молнии, что нас навечно
пронзила так,

как будто — булавой скрепила
нам две души.
Таилась неземная сила
в том дне, в тиши,

и сердце было не на месте —
от молний, гроз.
Как будто — выходили вместе,
входя — поврозь.

* * *

«Мне хочется домой, в огромность...»

Прости моей строке нескромность —
преодолеть той дали грусть,
укромной комнаты огромность,
чей очерк помню наизусть.

Прости моей строке поспешность
тех слов, что обгоняют мысль,
и веру в детскую безгрешность
твоей души, влекомой в высь.

Прости моей строке потерю
тех слов, что не увидишь ты,
когда она пройдя сквозь двери,
продлит несбыточность мечты.

Прости мою строку за оклик,
еще не превращенный в звук,
как я прощу тебя — за отклик,
которого не ждет мой слух.

Поэт рисует Слово

«Своя довлеет злоба дневи...»

Довлеет дневи злоба...
Но не молчат уста,
пера — опасна проба,
когда тропа пуста.

Поэт рисует Слово,
как Ангел, на песке,
его не слышно соло,
лишь пепла горсть в руке.

Пока слова рисует
поэт — как Бог, он жив,
а тот, кто не рискует,
тот мертв и пуст, и лжив.

День нынешний довлеет
в дыхании строки,
а завтра кто-то склеит
дней наших позвонки.

Иродиада пляшет,
веселье — зла исток,
но смертную пьет Чашу
в Саду уставший Бог.

Довлеет злоба дневи,
и в гнев — вечера,
но зреет боль в напеве
всё та же, что вчера.

Строки подъём изломан,
но в путь спешит рука,
и уголёк не сломан,
и ждет — пуста-доска.

Строка на побережье
размыта солью волн,
а завтра — ветер свежий,
и Сад, и крест, и холм.

* * *

**«... как вдруг я вижу, краскою карминной
В них набрано: закат, закат, закат...»**
(Райнер Рильке — Борис Пастернак)

Тот взгляд остался, посланный давно —
твоею звездочкой — в мое окно,
сквозь грозы, гроздя позднего дождя,
в ночную жизнь, жалея и шутя.

Я всматривалась в свет, в тот час кручины,
задумчивости, в час, когда не спят
две стрелки, пятясь в прошлое, назад,
в тот час, когда — закат, закат, закат
горит в листах — тоской строки карминной.

Когда страницы рвут, и нити рвутся,
и жизни катятся, куда хотят,
когда хотят уйти, вернуть, вернуться,
не веря в стенки тонкие преград.

Когда идут куда-то, по приметам,
по райским травам, где стоят в кружок
Адам и Ева, звери, Ангел, Бог,
где нет греха, но есть любовь, при этом.

Но я от взгляда — взгляд свой подыму,
еще пропитанный надеждой-ядом,
как будто пробыл ты со мною рядом
в бессонном сонме слов, в дому, в дыму.
Я возвращаю взгляд свой — в полутьму,
туда, что ты зовешь «житейским адом»,

в ту жизнь, что для души уже мала —
душа переросла пути-невзгоды
лишь потому, что звездочка вела
ее — твоя — за грани небосвода.

★ ★ ★

***«Тревожный ветер ночей —
тех здравниц виночерпьем...»***

Быль состоит всегда
из света и теней,
из бисера росы,
из хлада снежной манны,
из сырости строки
в бумажной мгле туманной,
растущей средь моих
незавершенных дней,

которым, может быть,
не сбыться никогда,
пью горечь этих дней,
мой Ангел-виночерпий,
мы эту боль, как боль,
с тобой навеки терпим,
а боль... она растет
холмами, как года.

Пред скатертью дорог
присядем на краю,
крылатый Спутник мой,
дарованный навеки,
когда-нибудь крылом
мои закроешь веки,
чтоб снова их открыть
в каком-нибудь Раю.

Ты знаешь, дни мои
тобою сочтены,
пусть невелик итог —
стихов бумажный ворох,
но ты расслышишь в нем
шум времени, как шорох,
что льется в даль твою,
в просторы тишины.

* * *

«И тихою зарей верхи дерев горят...»

В вопросе скрыт ответ, ответа волны зыбки,
здесь пред иконами лампы не горят,
здесь ветхая изба и золотые рыбки
уплыли далеко в житейские моря.

И скошена трава ночами лунным серпом.
А мы с тобой уйдем, забросив невода,
туда, где ждет апрель и оживают вербы,
туда, где Бог воскрес и даль небес свята.

Крестами стянуты мерцающие окна,
и песнь колоколов туда войти зовет,
и красит купола рассвет Воскресный охрой,
и золотом блестя, вновь Рыбка к нам плывет.

Береза там спешит надеть зеленый капор,
там тихою зарей верхи дерев горят,
там тихо по утрам весенний дождик крапит,
как будто меж собой святые говорят.

* * *

«Я дал развехаться домашним...»

Домашние развехались давно,
давно по свету разбрелись друзья,
Береза гладит веткою окно,
серебряная в облаках стезя.

Воздушна в комнате завеса мглы,
на стол огромный руки уроню,
перебираю горсть Святой земли —
подарок твой, который я храню —

пропитана небесной тишиной,
привезена из Оптиных Пустынь,
она как будто говорит со мной,
как голос твой далекий: «Не остынь!»

Пчелою над плечом поет печаль,
рассветом хмурым мой начнется день
слова твои на сердце, как печать,
страницы пустынь — словом лишь задень.

Я не прошу земных, небесных благ,
но если можно, Словом — позови!
На миг хотя бы сделай кроткий шаг
по строкам — уходящий шаг любви.

* * *

«Мне снилась осень в полусвете стёкол...»

*Мне снилась осень в звездном полусвете,
в окно бежала лунная стезя,
ты шел один, ты был как Ангел светел,
березы вслед склонились, как друзья.*

*По швам, старея, распадалось время,
старея, в доме «таял кресел шёлк».
Усталости ты словно сбросил бремя
и к прежней юности дорогой лунной шёл.*

*И эхо жизни постепенно гложло,
и тишина росла вокруг тебя,
и капли редко падали на стёкла,
дождем осенним тихо их дробя.*

*К рассвету плеск дождя почти затихнул,
заканчивая о тебе рассказ.
Но ты во сне меня еще окликнул,
и показалось мне — в последний раз.*

*Миг пробужденья в час, когда дом тёмен,
весть о тебе с угасшим сном унес.
Рассвет на горизонте стал огромен,
окрашивая шёлк белеющих берез.*

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ

ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

* * *

***«Я вам расскажу ... Мои зачеловеческие сны...
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки...»***

Пускай еще подремлет лира,
ее я мирно отложу,
когда читаю Велимира,
брожу по строкам-виражу.

За буквой буква — в Слово мчится,
покуда образ не возник.
Ведь я всего лишь ученица,
а он — Вселенной Ученик.

Откуда он — мы не спросили,
пришел к нам, как Вселенной сын,
как ангел, он прошел Россию —
с котомкой, с посохом, босым.

Он Книги создал строй — Единой,
той, у которой нет конца,
водя пером лишь голубиным,
где на обложке — знак Творца.

В словах узор Вселенной выткал,
ушел тропинкой-тишиной,
неся в душе земные свитки,
и на мизинце — шар Земной...

* * *

«Помогайте звонари, я устал...»

Как рубец морозной розной ночи,
полумесяц венчиком из стали,
раскачаем Слова колокольчик,
звонари помогут, коль устали.

Звук печалью разорвет улыбку,
укорит набатом, вещим, вечным,
язычок в нем — серебристой рыбкой,
голос не похож на человеческий,

очертаньем чаши полузыбкой,
с колокольни-звонницы на площадь
упадет, и в трещине-улыбке
ветер — хриплый голос прополощет.

Звонари помогут, коль устали,
нескончаем Слова колокольчик.
Полумесяц-ободок из стали,
как венец морозной звездной ночи.

* * *

**«А я из вздохов дань сплетаю в Духов день...»
«Крылышкия золотописьмом тончайших жил...»**

Ты помнишь? — Хлебникова Поле,
где нет начала и конца,
и где слова растут по воле,
их создающего Творца.

Над головой там — рой мерцает
звезд. Слова теряют тень,
и луч — из вздохов дань сплетает
и в Троицу, и в Духов день.

И песнь кузнечика ликует —
с тобой читаем мы о том,
как он беспечно крылышкует
по строчкам — золотописьмом.

Из поля приплывают вести,
переплетаясь с тишиной,
и у Творца мерцает перстень,
как на мизинце — шар Земной...

★ ★ ★

«А на обложке — надпись Творца...»

Голос твой шелковинкой-закладкой
в Книге Единой — о нас, в страницах,
там, где написано кратко и гладко
все, что о жизни нашей приснится.

Звездным вечером розно никнем
над чьим-то томом, мыслью непраздной,
читаем одну бесконечную Книгу,
думаем вечно, прочтя, — о разном.

Перелетает страница-странница,
клад охраняет граница-закладочка,
к вечеру тень от страницы сгибается
черным крылом погубленной бабочки.

Наших имен письма голубые
луч подчеркнет ненадежной дорожкой,
судьбы из книг выбираем любые —
надпись Творца прочтя на обложке...

* * *

«И вот ты снова данник журавлей...»

Обитаешь ты где-то вдали,
но к тебе летят журавли

над бумажным полем страницы,
задевая крылом границы.

Вьется тонкой строчки стезя,
но к тебе мне дойти нельзя,

потому, что строка коротка, —
но над ней растут облака

над простором бумажных полей,
где рисую я журавлей.

Зарастают словами поля,
не услышать тебе журавля,

что поёт в твоей тишине —
обо мне, обо мне, обо мне...

Лишь — когда-нибудь эта страница
прилетит к тебе, как синица,

но — увидишь ты журавлей
над простором бумажных полей.

* * *

«Я белый ворон. Я одинок...»

Крылья окрашены цветом страницы —
страницы жизни огромной,
словно я превратилась в птицу —
в белую птицу-ворону...

И до меня слова твои нежные,
порою не долетают,
я смотрю с высоты белоснежной
вниз — на черную стаю.

Птицы там за добычу жаркую,
друг друга забыв, воют —
и не поют, лишь кричат и каркают.
А здесь, в небесах — пою я.

Рядом со мною ангел летает,
я говорю со звездами,
и не хочу возвращаться в стаю —
хищную, грязную, грозную.

Я послушна лишь сетке ветхой
веток тонких, укромных,
словно стала я — птицей редкой
белой, как ангел, вороной...

Азбука

*«...все разнообразие слова
исходит от основных звуков азбуки...»*

Из опасных глаз твоих, глаз сухих,
не напрасен взгляд, взгляд-огонь.
Три десятка букв твоей азбуки —
горсть, закинутая в ладонь.

Я из букв сплету веток-строчек жгут,
на две дали страницу деля.
Одна даль — твоя, там мой путь сожгут,
а вторая — ничья земля.

По ничьей земле каждый шаг твой скуп,
затихает, ахнув, молва.
В лунку, в шаг твой, след, горсть закину букв,
чтобы славой росли слова.

Чтобы глаз сухих утихал огонь,
мой опасный друг, дальний гость.
Уходя с земли, разожму ладонь,
три десятка букв — твоя горсть.

* * *

«Слово — пядьцы, слово — лён, слово — ткань...»

Слова — пути,
мы троп чужих скитальцы,
с которых не сойти,
не убежать,
пространства
лён, натянутый на пядьцы,
нам, странствуя,
ни разредить, ни сжать.

На петлях
Бог повесит колыбели,
чтоб к ветру
ближе жизни стал приют,
замедлен
к ночи сольный плеск капли,
к рассвету
чаще смена вех-минут.

Минут святых,
что в память вбиты-вброшены —
полету их
ты направление дал,
чтоб улей
снежный ангелов тревожа,
они коснулись
слов, что Бог шептал.

Ведь, вспоминая,
ты еще пророчишь
теньями слов,
забыв живую речь,
чтоб поняла я —
речь теряя, хочешь
хоть очертанья берегов
сберечь.

Ведь *слово-лён*
натянута на пальцы,
пусть выжат звук,
но *слово-ткань* — не сжать.
В полон пелен —
воздушных троп скитальца —
тебя зову...
тебе — не добежать.

Лермонтов

**«А небо облачные почести
Воздало мертвому певцу...»**

Речью прерывистых строчек скольжу,
сколь же речей над обрывом? —
я про Машук шепотком расскажу
верностью смерти красивой.

Молнии клонятся нивой огня,
честные почести неба,
мертвый певец донимает меня
гоном оленей, где б не был.

Средь облаков, облачась, до сих пор,
в горные строки растений,
мертвый певец смотрит ветром в упор
в строки молитвы оленьей.

Бога убитых, Тройного, летуч,
луч снимет первую мерку,
отяжелит тень одеждою туч,
крепом скрепив, не померкнет.

Я шепотком про Машук расскажу,
тень над пятном Пятигорска,
внемя, кремнистую нить вывожу,
строчкой непрочной, как горстка.

★ ★ ★

«Песенка — лесенка в сердце другое...»

В сердце плеснет ли — твоя мне песенка,
луч ли стрелою пронзит туюю,
словно дорожку *в сердце другое*,
строю из слов воздушную лесенку.

Песенка ищет тропинки витые,
как на путях воздушных изломы,
там, где в лучах пастушьей соломы
светят глаза простодушно-святые,

как на иконе, увиденной в детстве,
там, где свет угадан за мглою,
луч ли пронзит тугою стрелою,
или песня плеснет мне в сердце,

только знаю, что кроме дома,
кроме стен, к судьбе равнодушных,
есть тропинки далее воздушных,
словно лестниц святых изломы.

Спички судьбы

**«Буду делать сурово
Спички судьбы...»**

Велимир Хлебников

**«Что любопытно тут для меня,
это логическое развитие темы спичек...»**

Владимир Набоков

Сквозь времени медленный гам —
звук голоса одинокого
влечет к «другим берегам» —
Хлебникова... Набокова...

Несчётно — в истории вех,
но эта стала — заклантой,
обозначая век
тот, что зовем Двадцатым.

Время ушло — тишины,
влилось в тесное русло —
гениев без страны,
без родины — мальчиков русских.

Вспыхнула на ветру
спичка, пожаром сгорела.
Я её подберу —
она никого не согрела.

Как оказались слабы
границы жизни и мира.
Спички сгорели судьбы —
Владимира и Велимира.

★ ★ ★

«И не сумел прочесть письмо зари...»

Письмо зари прочесть я не успела,
оно осталось, как горящий очерк,
написанный в ночи летящим мелом,
когда неровен пишущего почерк.

Когда спешат строку, что с губ слетела,
заколдовать и заковать в границы,
чтобы лишить души, оставив тело,
уснувшее на белизне страницы.

Строку, что оживает ожерельем
горошин-букв — основой чьих-то чёток,
хранящих свет лучей, тех, чье скрещенье
растет тенями будущих решеток.

Я не прочла небес твоих посланье,
угадывала лишь по многоточьям,
летающим в темноте, мечты, желанья,
что на земле сбываются воочью —

на белизне страницы. Время,
пред вечностью упавшее туманом,
остановилось. Мы идем за теми,
кто в глубь вошел, в купели Иордана —

здесь, где река вокруг туманной оси
свивается, где тянется олива
ветвями, где ступают по колосьям
строк, срезанных уже, по колким нивам.

Зари — прочесть я не успела письма,
но врезан в память очерк тот горящий —
нить горизонта, что строкой повисла,
удержанная вдруг мелком летящим.

* * *

«Ветер утих и утих вечер утех...»

Пусть качнется мой стих,
как сирень над тобой, не иначе.
Чтобы *ветер утих*,
краткой встречи срок обозначив.

Чтобы *вечер утих*,
звездным светом тени колыша,
под мелодию-стук
темных веток сирени по крыше.

Чтобы ты приходил,
летней шторы спадала завеса...
Чтобы ты уходил,
когда солнце восходит над лесом.

Пусть тетради листок
раскрывает крыло над тобою.
Нами пройден виток
ветхой лестницы, ставшей судьбою.

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ

МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Памяти Марины Цветаевой

Сияньем августа сотри,
пока не поздно,
строку пленяющей петли,
звук гласный, грозный.

Приют бревенчатый, труха
сухого лета.
О, как провинция глуха
к судьбе поэта.

Рябины ранней горечь-горсть,
скупая лепта.
Строка-петля обвила гвоздь
литою лентой.

В гортани звуки от рывка
спеклись и слиплись.
Исчезло все. Душа легка.
Апокалипсис.

Хранитель-ангел тонких рук
разнять не сможет.
Хранитель-ветер к звуку звук —
молитву сложит.

Великая страдальица Марина

Земная чаша выпита до дна —
расстрелян муж, (где дочь?), шестнадцать сыну.
Вот и осталась на земле одна
великая страдальица — Марина.

Уральский камень. Кама. Даль. Река.
Строка, что оказалась самой горькой —
последнее, что вывела рука:
«Позвольте быть у вас — посудомойкой...»

Не разрешили. Почему? Вопрос,
что без ответа до сих пор витает.
Поэт, как Иов — наг и нищ, и бос
приходит. Так же — землю покидает,

без подаянья. И пуста сума,
последнее (парижской моды) платье.
На казнь она вела себя — сама,
и выбрала сама себе — распятые.

Поэт пред гибелью велик, как Бог.
Последний ветер сердца жар остудит.
Не на земле, а в небесах итог
Тот подведет, Кто жизнь дает и судит.

Поэт живет, чтоб «мыслить и страдать».
Его вериги — веских слов оковы.
Не требуя похвал, поэт готов отдать,
как дар небес, свое живое слово.

Священные бумаги не горят.
Слова летят во все пределы света.
Пусть всё умолкнет. Камни говорят,
вдруг оживая, языком поэта.

Посвящение Марине Цветаевой

(по мотивам «Элегии» Райнера Рильке)

Строка... Она, как тихий вздох, недлинна,
меж нами — жизнь, вздымающая версты,
о, растворение в мирах, Марина,
мы там взойдем, куда уходят звезды.

Мы их число собою не умножим,
давно в мирах подведены итоги,
начал начало — чаемое ложе —
уход наш цифр не нарушает строгих.

Марина! Мы — земля, весна, мы песня!
Мы — к небесам открытая воронка,
в краях заоблачных нам так же тесно,
как на земле руладам жаворонка.

Мы начинаем первый звук — осанной,
но клонит голос наш земная тяжесть,
наш плач восходит гимном первозданным,
хотя к земле он первой данью ляжет.

Мы так слабы, Марина, даже в самых
движеньях чистых мы должны проститься.
Прикосновения — смертельны, равны
желанью робкому — испить водицы

живой, прозрачной, той, что наделяет
весенним соком жаждущие ветви.
Пусть жесты нас порою разделяют,
но вести — причисляют нас к бессмертью.

* * *

«Любовь не входит в биографию...»

Любовь не входит в биографию... Об этом
я узнаю в конце концов, к излету дней,
и к этой тайне тянутся поэты,
но суть любви не кажется — ясней.

Любовь и жизнь даны, как параллели,
быть может, в вечности они должны сойтись,
а ты идешь по ниточке, жалея,
что жизнь — лишь зеркало любви — глядись,

ищи любовь в далеком зазеркалье,
войдя однажды в хрупкое стекло —
что там блестит в тумане — не река ли,
вобравшая в себя то, что прошло?

Твоя любовь не входит в биографию,
иди по тонкой ниточке, держись...
По воле чьей — идешь походкой рабьей,
не смея пересечь любовью — жизнь?

* * *

**«Меж нами не версты
Земные, — разлуки ...»**

Ра-зл-ук-а — звук из зла
и укола,
пропасть,
соло
одиночества, мгла.

Цветы зла,
лепестки-лопасти
ластятся, осыпаются
в пыльную усыпальницу.

Цветы — с мертвыми
семенами,
остающиеся стертыми
именами,

по которым водишь жестом,
не узнающим слово,
именами
занимающими место
лица живого.

Разлука — луч-обоюдочестный,
уводящий туда, где чудо,
не месть, а чудо —
уместно.

* * *

**« Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!..»**

*Деревце-девственница,
офельина сестрица —*

*провидица ива,
к ручьям льстива.*

Оперенные веером коры березы —
не ангелов ли метаморфозы?

Собираются в стайки, строятся
в Царских Вратах — на Троицу.

Осина — красива, растеряна,
иудино темное дерево —

протягивает ветвь уставшую
каждому — падшему.

Словно ветхие вехи неровные —
ветки терновые —

изгибы гибельного кольца
вокруг Иисусова Лица.

* * *

«Моих бумаг Божественную смуту...»

К столу письменному подхожу
ангелом босоножьим,
словно к подножью
Божьему, —
смуту бумажную ворошу...

Страница — источник, средоточье уст,
заповеди Божьи говорящих,
строка, парящая,
как ветвь горящая,
страница-пустынница, словно куст.

Слушать, слышать одна должна,
ухожу от толпы рассеянной
шагом, жаждущим, моисеевым.
За словами — растерянная
тишина.

Мир становится тих и пуст —
все вбирает земные речи
Бог — говорящий терновый куст,
куст — предтеча
вечности.

* * *

«И — радугой — благая весть...»

Луч над певучим листом —
луч рукою склонила
в сердце, чтоб полонила
грусть об Архангеле том,

девы о коем грустят,
ждут, но приблизить бессильны.
Легче в луче шелестят
освобожденные крылья.

Речи рождается ключ,
крылья — прохладнее тени
райской, отраднее куш
рощи с кличем весенним.

Не говорит, а поет
шепотом — чище лести.
Вечно весною ждет
девичья память — вести.

Голосом спутан сад,
вьющийся, соловьиный,
душу смущает орлиный
профиль Его... И взгляд.

* * *

***«Ты ищешь дом, где родилась я — или
В котором я умру...»***

*Ты ищешь дом,
где я жила,
где медлил сон,
как мед пролитый,
где утра,
ревностно, игла
вшивала мудро —
шелк молитвы.*

Где горней
музыки хорал
спасал от хвори
и от страха,
где отрок-школьник
разбирал
шестнадцатые доли
Баха.

Где жизни венчик
золотой
катился к вечному
покою,
и влек
меня по жизни той
рок-отрок легкою
рукою.

Борясь, как вербы
на ветру,
шли строки первые
в тетради,
и вился склон
паркетной пряди.

*Ты ищешь дом,
где я умру...*

* * *

***«Простоволосая Агарь — сижу,
В широкооую печаль — гляжу...»***

Ах, Агарь,
горяча,
из служа-
ночек.

Госпожа —
свеча.
Ты — огарочек.

Ты, Агарь,
шутя —
возгордилася,

как испуг —
дитя —
вдруг
забилося.

Таёт воском плоть —
душа теплится,

а под тканью
плод
ранний
светится.

Дом-шатёр
не мил —
дёрном
держится.

Смел — растёт Исмаил —
птенцом-первенцем.

Ах, Агарь,
остынь,
зло —
не вспомнится.

Голый
куст пустынь —
купиной —
бездомницам.

* * *

**«Ибо звездная книжица
Вся — от Аз и до Ижицы —
След плаща Его лишь...»**

*Мир, прочтенный от аз до ижицы...
Строчка движется рыжим лучом —
пусть последнюю мою книжицу
слух твой ловит, словно крючком.*

Страниц-кромки замкну тесемками,
грузом — памятный узелок,
жизнь моя пробежала строками,
жизнь твоя впиталась меж строк.

Речью лечится вечер раненый,
ночь-молчание — месть двоим,
где второе мое дыхание
станет вздохом первым твоим.

Под апрельскою занавескою
жизнь разжатая, как ладонь.
Не хватает детали веской нам
чтобы фрескою стать одной.

* * *

**«Что горело во мне?
Назови это чувство любовью...»**

*То, что плачет во мне, назови:
хочешь — смертью, а хочешь — сном,
я не знаю, что ближе к любви,
все — вмещается в сердце одним,*

*все — венком отгорожено рук:
тело, дух, иль желаний рой,
все — тобою очерченный круг,
не подругой там быть — сестрой.*

*Не унять над распятым огня
от лампы, к нему подойти,
чтоб увидеть твои пути,
отводящие от меня.*

*Все — венцом отгорожено мук:
рой желаний, тело, душа,
все — тобою очерченный круг,
тот, в который вошла, служа,*

*чтобы ждать лучезарного дня,
чтоб увидеть твои пути.
Не унять в твоём взгляде огня
от мучений — к нему подойти.*

* * *

**«Прощай! — Как плещет через край
Сей звук: прощай!..»**

Слово чрез край уст плещет,
словно руки мои чрез твои плечи.

Слово, выплескиваясь, уста сушит,
душа ласковая — душе служит.

Как птица служит песней
ясному своду небесному.

Как небесный луч-спица
проясняет путь птице.

Душа выплескивается из тела
на — времени речной песок белый.

Чрез край уст плачет слово,
руки мои над плечами твоими сломаны.

* * *

«Не называй меня никому...»

Придумаешь имя, но никому не скажешь,
имя — ангел, бремя его легко,
имя отпустишь во тьму, со мною свяжешь —
только имя может взлететь высоко.

Имя — последняя моя примета —
пусть цветет только на твоих устах,
когда ты вспоминаешь, плача, без света,
имя мое — единственное — из ста.

Имя — вздох, когда опускаешь вежды,
имя — для мира — небесная весть,
имя — для двух — будущая надежда,
если для каждого она есть.

Имя — подсказка, молитвы начало,
идущему во тьму — идущее вслед,
имя — венец, развязка печальная,
ореол, впитавший свет долгих лет.

Придумаешь имя — легче птицы,
никому неведомое — тайна двоих —
имя мое — будет биться
крылами в крылья окон твоих.

★ ★ ★

«Ночь. Чугунная решетка...»

Если утро, вздохи реже,
потому что сны невинней,
потому что луч разрежет
утро на две половины.

Если полдень, плечи смуглы,
пыли пепельная пудра,
полдень, луч меняет угол,
удлиняя тени мудро.

Звуков вечера пролиты
капли с дальней колокольни,
вести ангела, молитвы,
луч лампы, блик невольный.

Ночь, немолчная цикада,
плач, *чугунная решетка*,
плащ, короткий луч лампы
битва теней, быстрых, четких.

Утро, свежесть, реже вздохи,
сон летучий, словно счастье,
потому что луч-пройдоха
утро режет на две части.

* * *

***«Легкий и ласковый
Воздух над пропастью...»***

Все же — без ширмы шуток —
станем чуточку старше,
суть прозревая суток,
оступимся в суд страшный,

коротко взмыв над пропастью,
на жизнь оглянувшись с опаской,
жизнь, укрощенную кротостью
воздуха легкого, ласкового,

воздух крылом разрывая,
в суд, чуть страшный, оступимся,
суток суть прозревая,
вслед за святою-заступницей,

взмыв — ко многоочитым
ангелам в высь смертоносную,
с терновым нимбом защитным —
к ангелам венценосным.

★ ★ ★

«Прощевай, седая шкура!..»

Жизнь коснется смытой грани
бытия — небытия,
твой отказ — уже не ранит,
нет меня, коль нет тебя.

Разошлись пути-дорожки
в пустоту и в высоту,
прощевай, мой осторожный,
на распутье пережду.

Одиночество не ново,
твой отказ, да мой каприз,
отыскать бы только слово,
что волной смывает жизнь.

Покружив, сгорела горстка
слов, летевших на огонь,
у тебя — чужие версты,
у меня — вослед ладонь,

вознесенная для жеста,
осеняющего даль,
станет свято — пусто место,
серебро покроет сталь

тех зеркал, что помнят тени,
час, свивавший их в одну,
у тебя — к другим ступени,
у меня — в твою страну.

* * *

«Возращу и возвращу сторицей...»

И с тобой говорю несмело я,
жгут строки осторожен, жгуч,
влага почвы — бумага белая,
голос твой, как Господен луч.

Борозда земле — звездной нитью,
нитью к голосу льнет струна,
голос твой в строке — сохранить бы,
чтоб сторицей цвела тишина.

Путь глагола до сердца — долог,
луч — короче чарует тьму,
между строками слово, волоком,
тянешь ты. Слово то — приму,

что зерном одарило страницу,
что крупницей льнуло к лучу,
стало сердца кроткой частицей,
что зарницами — возвращу...

★ ★ ★

«Крест-накрест перечеркивала — имя...»

Имя твое на мгновенье
вспыхнуло и погасло.

Дали твоей дуновенье —
доле моей опасно.

Строка моя, волоса тоньше,
ведет от тебя все дальше.

Печаль моя длится дольше,
я к смерти причаю — раньше.

Строки вздрогнули дугами,
стали, как жизнь, неровными.

Может, в моем недуге
имя твое виновно.

Об этом гадать не стоит.
Жизнь, до первого наста,

*имя твое святое —
перечеркнет крест-накрест.*

* * *

***«Иоанна руки, как крылья,
Висят по плечам Христа...»***

В той опустелой келье
облака рос туман,
крылья дверей запели,
пал пред Христом Иоанн.

Преображенный странник
переступил порог,
не различить в тумане —
брат ли, учитель, Бог.

В свете утреннем скудном
встал Открывающий путь,
Иоанновы кудри
перетекли на грудь,

переплетались с речью,
полнящей пустоту,
крыльями пали на плечи
Иоанновы руки — Христу,

застыли тенью нерезкой
над туманным плечом,
облаком стали, фреской,
вспыхнувшей под лучом.

✱ ✱ ✱

«Наездницы, развалины, псалмы...»

Псалмы, наездницы, развалины,
равнины с вереском в подпалинах,
в веках воспетые холмы,

страшит одежда чернотою,
тропа над пропастью пустою,
и рядом — кони, рядом — мы.

Поет рожок среди древних сосен,
зачем — вдвоем? Никто не спросит,
и не пойдем мы здешних слов,

ведь просто — я сопровождаю
тебя туда, где сны витают,
а ты — ты толкователь снов.

Твой взгляд, пророчески-горячий,
провидит путь в той райской чаще,
где вьются яблони дымком.

Ты знаешь всё, что мне приснится,
брат Даниила-тайновидца,
ты все расскажешь мне о том —

зачем тропа между холмами
лежит, как пропасть между нами,
и я не знаю, где мой тыл,

зачем меня с тобою сводит
твой Бог, зачем вся жизнь проходит,
как след загадки, Даниил?

* * *

«Ты не женщина, а птица...»

Нашептал мне тот, кто снится,
речью, шелковой, как сеть, —
Ты не женщина, а птица
и должна ко мне лететь —

помыслом, душою, словом —
я уже раскрыл окно,
подавая знак условный,
и пролил богам вино.

Зелено оно и сладко,
золотистое на свет.
Ты не женщина — загадка,
должен я найти ответ,

потому что, тот, кто снится,
должен все на свете знать,
чтобы женщину, как птицу,
научить во сне летать.

* * *

***«Мимо страшной церкви Божьей
мне идти...»***

А на твой порог запрет,
строго, ангельский положен,
чтобы мне идти на свет,
как во сне, до церкви Божьей.

Твоей двери звук певуч,
но без веры — вход загадан,
потому — иду на луч
в Божий дом, где вьется ладан.

Ангел, брат твой, сторожит —
не пройти в ночи безлунной,
путь мой зимний вдаль лежит,
в церковь, мимо врат чутунных.

Над твоей загадкой бьюсь —
строго заперт дом твой вехой,
но украдкой тороплюсь,
внемя Богу — к человеку.

★ ★ ★

«Но если по дороге — куст встает...»

Пусть снег здесь падает густо
на куст, когда мы к зиме
идем, чтобы не было пусто
нам, путникам в долгой тьме,

в невидимых линиях плена
земного — мелькание вёрст
нам нужно, как во вселенной
необходимо звёзд

мерцание, жар, вращенье,
скопление точек-вех,
чтоб снега прикосновенье
не тяжелило век,

а только их остужало
подобием влаги той,
что в зимней купели дрожала —
под Рождества звездой,

чтоб снег на челе держался,
как в час тот, как первый венец,
когда на земле рождался
земли и неба Творец,

чтоб падал снег осторожно
на Бога — из Божьих уст,
как ночью, во тьме дорожной
на придорожный куст.

★ ★ ★

«Ты — одиночества верховный час!..»

Учителей почтив великих,
чту одиночества верховный час.
Ночь. Дремлет в тишине безликой
фонарь, который не погас.

Как стражник древний безымянный
стоит бессменно на углу,
и звездную собирая манну,
лучом рассеивает мглу.

Какая малость мне осталась...
Звезда, мелькнувшая вдали —
моя — сгорит, когда усталость
сотрет меня с Твоей земли.

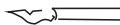

Учителям великим верю,
что одиночества верховный час.
Последней станет мне потерей
фонарь, который не погас.

Когда переступлю порожек —
раскрытых в край другой дверей —
ответу: был всего дороже
свет одиноких фонарей...

ЭПИЛОГ

*Лучи ночные бродят,
там спит земной простор,
а здесь – поэт заводит
о Данте разговор.*

*«Цитата есть цикада...» –
поэт мне говорит,
она забытым кладом
в ночной траве горит.*

*Ее разносят птицы
под утро в тишине,
она еще приснится
тебе, и может, мне.*

*Порой, ее неточно
ты будешь вспоминать.
Она проступит строчкой,
и оживет тетрадь.*

*Она войдет в страницы,
как из бывшего весть, —
та, что приносят птицы
мне утром, словно песнь.*

*«Цитата есть цикада...» —
идут века, года...
Что сказано когда-то —
не смолкнет никогда.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
------------------	---

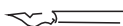
ПОЭТАМ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	11
-------------------------------	----

ПОСВЯЩЕНИЕ ИННОКЕНТИЮ АННЕНСКОМУ «Стихотворец, как пророк...» (Ларец из кипариса)	14
--	----

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ АННЫ АХМАТОВОЙ

«Куда-нибудь поедem скоро...» (Там высечена в камне Анна).....	16
«Торжествовать... Простора не хватило...».....	17
«Вернись...» (Из Песни Песней)	18
«Порою ждешь, чтоб всё уснуло...» (Мелхола)	19
«Свет тебе брезжит даже во тьме...».....	20
«Мой ангел, тебе ли страшно?...»	21
«Рая вчерашнего...»	22
«Лён полотенца...»	23
«Встречи не ждем...».....	24
«Средь влажных лип в перелесках темных...»	24
«Уже слышны уключины тех лодок...»	25
«Ризы голосом разрезаны...»	26
«Даже птица встретится с веткою...»	27
«Если строка возрастает, тиха...»	28
«Последняя горная вьется стезя...» (Лотова жена)	29
«Над каждою бездной земною...»	30
«Помнишь, ахматовской веской рифмы...»	31
«Жить надо, чтобы, словно шепот ждать...»	32
«Сквозь лампадные блики...» (Памяти Александра Солженицына)	33
«Балкона дверь приоткрыта...»	34

«Еще могу я видеть блюдо...»	35
«Я твои забываю речи...» (Анна и Амедео)	36
«Я проснулась утром рано...» (Мой сероглазый Король)	37
«Я пишу на краешке рассвета...»	38
«Двадцать первое. Самый короткий...»	
(21 декабря, понедельник)	39
«Петербург оживает во сне...» (Петербургский сон)	40

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

«Луча ночного лется локон...»	
(Старинный том, цитата Блока)	42
«Предсказанье становится Роком...»	43
«Звездный луч прольется солью...»	44
«Мой Гамлет! Как ты изнемог...»	45
«Твой путь свершая, я не спрашиваю...»	46
«Луч солнца утра час установил...»	47
«Страшно, сладко, неизбежно, надо...»	48

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

«Край размытых дорог...»	50
«Молитва всегда с листа...»	51
«Какую же назначишь цену...»	52

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ МИХАИЛА КУЗМИНА

«Нездешний вечер петербургских зим...»	54
«Кто — за жизнь мне ответит...» (Серебро Кузмина)	55
«Жизнь — еще порадует угрозами...»	56
«Словам просторно, мыслям тесно...»	57
«Когда меня провели через сад...»	58
«Уставшее сердце прощает...»	59

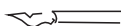

«Канун Поста. Мерцает мягкий иней...»	60
«Капля дождя повисла...»	61
«В рай возвращаясь, превращений ангел...»	62
«Как люблю я, боги вечные...»	63
«Я еще Бога не встретил...»	64
«Ветви поют уютно...»	65
«Оркестра морем — плеск прибрежный брошен...»	66
«Ангел в тучах, в лучах...»	67
«Истоки строки лучисты...»	68
«Если будет дано умереть на святом месте...»	69
«Мы шагов стежками...»	70
«Вечер — чистое дня ребро...»	71
«И на челе, как венчик вечности...»	72

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

«Когда-нибудь, когда уронишь...» (Воронеж)	74
«Душа болит иной бытиной...»	75
«Я никому уже не возражаю...»	76
«Ужель устали шелестеть уста...»	77
«Ни воды и ни хлеба, лишь слова ты просишь...»	78
«Вот оно, небо звездное твоей Вечери...»	79
«Скорби-мои, плачи-мои умножатся...»	80
«Занавес несправедного дня...»	81
«Горит — душистое с корицею вино...»	82
«В простор страны заресничной...»	83
«Тень упала на страницу...»	83
«Строкам жития не дано сгореть...»	85
«Веду ли — лучом пера...»	86
«Времени резвая речка мелеет...»	87
«Когда ответа не спрашивают...»	88
«Летний путь, словно в Лету — гибельный...»	88
«Каждой зимой выпадает жребий...»	89
«Слова — терновую черту сотрут...»	90

«Я через тьму к тебе дойду...»	91
«Расти, строка моя, влеки...»	92
«Канул день, еще не отмоленный...»	93
«Дождик вишнями на лоток...»	94
«Я знаю что — ты не святой...»	95
«Я научилась быть на расстоянии...»	96
«Пусть в глазах твоих, словно в колодце...»	97
«Строка моя растаяла вдали...»	98
«Где-то в памяти ты сохрани...»	99
«Беглецы, где-то пледа найдем паутинку —»	100
«Хладеет времени рука» (Ангел-Мэри)	101
«Того, что было, не вернешь...»	102
«Строка над мною пусть кружит...»	103
«Тропинка луг цветущий делит...»	104
«Пусть — луча уронит спица...»	105
«Бог — нас еще не создал...»	107
«Рядом с домом твоим»	108
«В ночь — льется плач из водосточной...»	
(Строчки грифельные — оды)	110
«Словно жизнью, строкой рискую...»	111
«Когда-нибудь, мой друг, словам моим внимли...»	112
«Зачем сказал поэт...»	112
«Как узы, не связать разрозненные фразы...»	113
«Пусть мне жизнь твоя приснится...»	114
«Научи твои мысли читать...»	116
«Ангелов число бессочно — милых...»	117

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

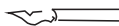
«Пусть будней стирается краска...»	120
«У каждой звезды есть такое Имя...»	121
«День мой твоею улыбкою взвинчен...»	122

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

«А на столе свеча горела...» (Памяти поэта)	124
«Пусть береза лист уронит...»	124
«На мир упала мгла...» (Не спи, художник)	126
«Душа моя, ровесница...»	127
«Я строчку выпущу из рук...»	128
«Откуда ж — чужая печаль, Диотима?...»	129
«Ты здесь... Наш сон — в одной вселенной...»	130
«...так трудно вместе быть, идти...»	130
«Поцелуй на ладони печатью бессилья...»	131
«Но для далекого, быть — далью...»	132
«Вечерних плачей-перекличек эхо...»	133
«Придешь навеки ты однажды...»	133
«Даль не имеет вес...»	134
«Небесный плотник вытесал те доски...»	136
«Все ближе эти окна — с отраженьем...»	136
«Если ангел твой блуждающий...»	137
«Во чреве вечеров — речей горячих горечь...»	138
«Бабочки абрис к тени дня пришили...»	139
«Изласкан лоск паркета тенью...»	140
«Жизнь оборвалась где-то с половины...»	141
«В зеленоватой тине шёлка...»	141
«Прости моей строке нескромность...»	142
«Довлеет дневи злоба...» (Поэт рисует Слово)	143
«Тот взгляд остался, посланный давно...»	145
«Быль состоит всегда...»	146
«В вопросе скрыт ответ, ответа волны зыбки...»	148
«Домашние разъехались давно...»	149
«Мне снилась осень в звездном полусвете...»	150

ЦИТАТА ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

«Пушай еще подремлет лира...»	152
«Как рубец морозной розной ночи...»	153
«Ты помнишь? — Хлебникова Поле...»	153
«Голос твой шелковинкой-закладкой...»	154
«Обитаешь ты где-то вдали...»	155
«Крылья окрашены цветом страницы...»	156
«Из опасных глаз твоих, глаз сухих...» (Азбука)	157
«Слова — пути...»	158
«Речью прерывистых строчек скольжу...» (Лермонтов)	159
«В сердце плеснет ли — твоя мне песенка...»	160
«Сквозь времени медленный гам...» (Спички судьбы)	161
«Письмо зари прочесть я не успела...»	162
«Пусть качнется мой стих...»	164

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

«Сияньем августа сотри...»	
(Памяти Марины Цветаевой)	166
«Земная чаша выпита до дна...»	
(Великая страдальца Марина)	167
«Строка... Она, как тихий вздох, недлинна...»	
(Посвящение Марине Цветаевой)	168
«Любовь не входит в биографию... Об этом...»	169
«Ра-зл-ук-а — звук из зла...»	170
«Девушке-девственница...»	171
«К столу письменному подхожу...»	172
«Луч над певучим листом...»	173
«Ты ищешь дом...»	174
«Ах, Агарь...»	175
«Мир, прочтенный от аз до ижицы...»	177
«То, что плачет во мне, назови...»	178

«Слово чрез край уст плещет...»	179
«Придумаешь имя, но никому не скажешь...»	179
«Если утро, вздохи реже...»	180
«Все же — без ширмы шуток...»	181
«Жизнь коснется смытой грани...»	182
«И с тобой говорю несмело я...»	183
«Имя твое на мгновенье...»	184
«В той опустелой келье...»	185
«Псалмы, наездницы, развалины...»	186
«Нашептал мне тот, кто снится...»	187
«А на твой порог запрет...»	188
«Пусть снег здесь падает густо...»	189
«Учителей почтив великих...»	190
 ЭПИЛОГ	 192

Людмила Колодяжная
ЦИТАТА
Стихотворения

Редактор — Евгений Степанов

Компьютерная вёрстка — Ирина Ракитина

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 300 экземпляров
Сдано в набор 25.02.2016
Подписано в печать 21.03.2016

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есененский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел (495) 978-62-75